

ГЛАВА III

Академия наук в Советском государстве

---

§ 1. Взаимоотношения с Советской властью

В период Первой мировой войны Академия наук с достаточной определенностью проявила свои патриотические позиции, ряд ее учреждений в срочном порядке перестроил свою научно-исследовательскую деятельность, придав ей больший прикладной характер, подчинив интересам военного времени. По инициативе академиков В. И. Вернадского, А. П. Карпинского, Б. Б. Голицына, Н. С. Курнакова и Н. И. Андрусова осенью 1915 года была создана академическая Комиссия по изучению естественных производительных сил России (КЕПС). Она «определенно стала в ряды научных, технических и общественных сил, которые приступили к энергичной и сложной работе по обслуживанию нужд фронта и задач мобилизованной промышленности»¹.

В начале 1917 года была создана еще одна академическая комиссия — Комиссия по изучению племенного состава населения России (КИПС). Перед ней руководством Академии ставилась задача «научного, правильного учета последствий войны»². Один из инициаторов создания этой комиссии, С. Ф. Ольденбург, писал по этому поводу следующее: «Борьба еще идет, но она не может длиться бесконечно... громадное значение будет иметь ясное представление о племенном составе, особенно тех частей страны, которые лежат по обе стороны наших границ европейских и азиатских, там, где они соприкасаются с землями наших противников»³.

При Академии был организован Лазарет имени великого князя Константина Константиновича для раненых воинов, существовавший в основном за счет добровольных отчислений из окладов

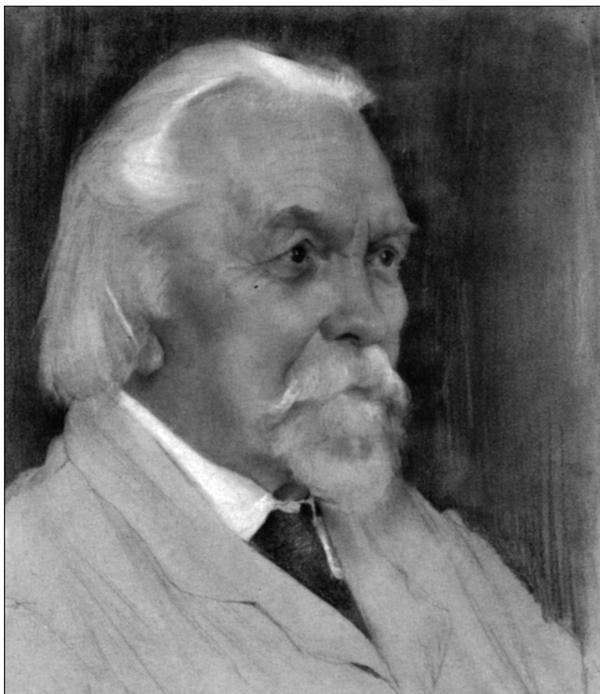
содержания и пенсий личного состава Академии. За период с октября 1914 года по декабрь 1916 года в лазарете находилось на лечении 290 раненых солдат и офицеров⁴.

В области гуманитарных наук в годы войны академическим ученым также иногда удавалось придать злободневность своим исследованиям. На наш взгляд, не случайно речь академика А. И. Соболевского на торжественном годовом собрании Академии 29 декабря 1916 года была посвящена научной проблеме «Румыны среди славянских народов». Позволим себе напомнить, что в августе того же года Румыния вступила в войну на стороне Антанты.

Большинство ученых положительно отнеслись к Февральской революции. Некоторые из них активно сотрудничали с Временным правительством и приняли участие в первых попытках проведения буржуазных реформ в России⁵. Так, В. И. Вернадский был назначен председателем Комиссии по ученым учреждениям Министерства народного просвещения и председателем Ученого комитета Министерства земледелия; А. С. Лаппо-Данилевский работал в «Особом совещании для приготовления положения о выборах в Учредительное собрание»; П. Б. Струве являлся председателем Таможенно-тарифного комитета Министерства торговли и промышленности и работал в Экономическом совете при Временном правительстве; С. Ф. Ольденбург с 25 июля по 3 сентября 1917 года был министром народного просвещения, причем «Известия Всероссийского учительского союза» оценивали этот факт положительно: «Третий со времени революции министр народного просвещения был во всех отношениях желанным руководителем ведомства... при нем совместная работа шла, в общем, очень успешно»⁶.

Временным правительством были внесены изменения в академический Устав, на основании которых президент мог теперь избираться Общим собранием из числа ординарных академиков и только впоследствии утверждался правительством. На Общем собрании 15 мая 1917 года впервые в истории Академии наук сами ученые из своей среды выбрали президента, им стал А. П. Карпинский.

29 июля 1917 года министр народного просвещения С. Ф. Ольденбург направил президенту Академии А. П. Карпинскому письмо, в котором говорилось: «Чсть имею уведомить Вас, что распоряжением Временного правительства от 11 июля сего года

*Академик А. П. Карпинский,
президент Академии наук
в 1917–1936 годы*

постановлено бывшую Императорскую Академию наук впредь именовать Российской Академией наук»⁷. К письму прилагалась и соответствующая выписка из журнала заседаний Временного правительства, подписанная министром-председателем А. Ф. Керенским и другими членами правительства.

Таково было отношение Академии к политике Временного правительства и к основному вопросу исторического момента — к вопросу о продолжавшейся войне. Один из лидеров партии кадетов, управляющий делами Временного правительства В. Д. Набоков, на наш взгляд, вполне резонно называл вопрос о войне и мире в 1917 году «оселком всей революции»⁸. Поэтому не случайным стало и неприятие Академией Октябрьской революции. 18 ноября

1917 года состоялось экстраординарное Общее собрание Российской Академии наук, где президент А. П. Карпинский сделал заявление: «Ввиду того, что происшедшие события угрожают гибелью стране, необходимо, чтобы Российская Академия наук не молчала в такое исключительное время»⁹. На собрании была создана специальная комиссия для подготовки текста обращения от Академии в связи с государственным переворотом. В состав ее вошли А. С. Лаппо-Данилевский, С. Ф. Ольденбург, М. И. Ростовцев, А. А. Шахматов и другие ученые. 21 ноября на Общем собрании был утвержден текст обращения, подготовленный комиссией. В нем, в частности, говорилось: «Великое бедствие постигло Россию: под гнетом насильников, захвативших власть, русский народ теряет сознание своей личности и своего достоинства; он продает свою душу и, ценою постыдного и непрочного сепаратного мира, готов изменить союзникам и предать себя в руки врагов. Что готовят России те, которые забывают о ее культурном призвании и о чести народной? — внутреннюю слабость, жестокое разочарование и презрение к ней со стороны союзников и врагов. Россия не заслужила такого позора: всенародная воля вручает ответственное решение ее судеб Учредительному собранию...»¹⁰

Данный документ совершенно однозначно отражал отношение Академии к факту захвата власти большевиками. Кроме того, собрание поручило ее руководству обратиться к представителям вузов Петрограда с предложением присоединиться к данному обращению, но при этом было подчеркнуто, что «сам текст обращения уже более изменению не подлежит».

Следует сказать, что подобная активная позиция Академии дальнейшего своего развития не имела. Изучение всей совокупности источников о ее деятельности в этот сложный период истории показывает, что принятие упомянутого обращения было, по существу, единственным фактом официального выступления против новой власти. Видимо, решающую роль в определении позиции Академии сыграло глубокое понимание учеными того, что без государственных бюджетных ассигнований существование академической науки невозможно. Скорее всего, не случайно на Общем собрании 22 декабря 1917 года обсуждался вопрос о больших затруднениях, которые возникли

«при получении в Государственном казначействе денег по ассигновкам Академии наук»¹¹.

Ряд академиков в это время совершенно определенно высказались за продолжение Академией своей основной деятельности, несмотря ни на какие политические потрясения. Например, В. А. Стеклов являлся одним из решительных сторонников подобной позиции. На одном из Общих собраний, обсуждавших вопрос о тактике Академии в создавшейся ситуации, он «предложил бросить раз и навсегда нелепые разговоры о протестах и спокойно продолжить деловую ученую работу»¹². Свою роль, думается, сыграла и давняя академическая традиция — пытаться всемерно оградить деятельность Академии от политической жизни. Кроме того, принятие новой государственной власти обуславливалось еще и искренними чувствами патриотизма многих ученых.

Во всяком случае, уже 24 января 1918 года на Общем собрании обсуждалось предложение Наркомпроса «о возможной научной работе Академии в связи с различными государственными задачами настоящего времени»¹³. На первых порах учеными было принято несколько уклончивое решение: «Ответ Академии может быть дан по каждому отдельному вопросу, в зависимости от научной сущности...».

Однако есть основания считать, что тенденции к активному сотрудничеству с властью в академической среде к этому моменту начали преобладать. 20 февраля 1918 года Общим собранием был дан положительный ответ на предложение Наркомпроса «о мобилизации русской науки» и был утвержден текст протокола, выработанного специальной комиссией под председательством С. Ф. Ольденбурга. Документ заканчивался главным положением, которое гласило: «Академия полагает, что значительная часть задач ставится самой жизнью, и Академия всегда готова, по требованию жизни и государства, приняться за посильную и научную, и теоретическую разработку отдельных задач, выдвигаемых нуждами государственного строительства, являясь при этом организующим и привлекающим ученые силы страны центром»¹⁴.

Одной из первых попыток налаживания контактов органов государственной власти с Академией следует считать письмо народного комиссара просвещения А. В. Луначарского, с которым он 5 марта 1918 года обратился к президенту Академии. В письме шла речь

о привлечении ее к решению «стоящих перед страной экономических задач» и, прежде всего, об активизации работы Комиссии по изучению естественных производительных сил¹⁵. Анатолий Васильевич в этом документе объективно оценил возможности Академии, указав, что «в тяжелой обстановке наших дней, быть может, только высокому авторитету Академии наук с ее традицией чистой, независимой научности удалось бы, преодолев все трудности, сгруппировать вокруг этого большого научного дела ученые силы страны»¹⁶. После обсуждения письма наркома, на Общем собрании было принято решение о том, что к проведению прикладных научных исследований «Академия могла бы приступить немедленно, развивая, расширяя и дополняя уже начатое ею»¹⁷. В своем ответном письме от 24 марта 1918 года А. П. Карпинский отметил, что «долголетний рабочий опыт убеждает Академию в необходимости начать с определенных реальных работ, расширяя их затем, по мере выяснения дела»¹⁸.

Полагаем, что факт обмена упомянутыми письмами между наркомом просвещения и президентом можно считать завершением самого первого, начального этапа в истории взаимоотношений Академии с органами новой государственной власти. С данного момента, по взаимному согласию сторон, Академия наук считалась организацией, вошедшей в систему Наркомпроса, и соответствующие контакты стали регулярными. В этой связи следует вспомнить, что Наркомпрос в своем письме от 18 июня 1918 года сообщал следующее: «Доводим до сведения Академии наук, что пересылка пакетов в Москву через советского курьера производится пять раз в неделю»¹⁹.

12 апреля 1918 года А. В. Луначарский на заседании Совнаркома (СНК) сделал доклад о необходимости финансирования работ Академии по исследованию естественных богатств страны. Правительством было принято решение «принципиально признать необходимость финансирования соответственных работ Академии и указать ей как особенно важную и неотложную задачу разрешение проблемы правильного распределения в стране промышленности и наиболее рациональное использование ее хозяйственных сил»²⁰. В начале мая смета бюджетных ассигнований по Академии на 1918 год рассматривалась на заседании коллегии Наркомпроса, по распоряжению президента, в Москву «для защиты сметы» были командированы Н. Я. Марр и А. Е. Ферсман.

Правительством, кроме того, предпринимались и отдельные целевые финансирования. Так, постановлением СНК от 31 мая 1918 года Академии были выделены 350 тыс. руб. «для производства неотложных работ»²¹, а в конце июня предоставлены еще 441 925 руб. «на печатание трудов в размере одной тысячи ста листов»²².

Начавшаяся гражданская война не позволила Академии наук приступить к планомерной научно-исследовательской работе и в полной мере реализовать возможности ученых. Однако научные работники, несмотря на огромные трудности и голод, продолжали свою деятельность. В сводный отчет о деятельности РАН за 1918 год вошли материалы 20 академических учреждений и организаций и 22 академических комиссий. Подводя итоги этого года, непрменный секретарь С. Ф. Ольденбург говорил: «Поистине, этот год потребовал от нас исключительного числа жертв — гибли старые и молодые, слабые и сильные, люди, стяжавшие себе уже громкую научную славу, и молодые, начинающие ученые, руководители работ и их сотрудники»²³. Тем не менее, Сергей Федорович считал возможным с достаточным оптимизмом заключить: «Ничто и никогда не может остановить науку или заставить ее повернуть вспять, ничто, пока существует жизнь, ибо все изменчиво и преходяще в жизни, одно — искание истины, т. е. работа науки, — неизменно и вечно»²⁴.

Следует отметить, что уже на начальном этапе взаимоотношений Академии наук с Советской властью имели место сложности и конфликтные ситуации. Летом 1918 года в недрах Научного отдела Наркомпроса зародился проект коренной реорганизации Академии. Суть этого проекта излагалась в отчете Научного отдела, представленного коллегии Наркомпроса 10 июля 1918 года. Предполагалось «создание исчерпывающего ряда ассоциаций по отдельным отраслям наук (естественных и гуманитарных)». Ассоциации должны были учреждаться на съездах деятелей науки, причем каждая из них должна была бы избирать свой руководящий орган — совет. В свою очередь, «объединенный орган всех советов» должен был бы являться — по замыслу авторов проекта — «всеобъемлющим представительным и организационным центром», который и должен был бы взять на себя все функции Академии наук²⁵. Таким образом, Научным отделом Наркомпроса

предлагалась схема организации академической науки по образцу, близкому к системе организации органов Советской власти. Родоначальником замысла данной «реформы» являлся М. Н. Покровский, а также некоторые ответственные работники Наркомпроса: Д. Н. Артемьев, В. Т. Тер-Оганесов и др.

Думается, что одной из веских причин подобной «реформаторской» деятельности явились и первые шаги по организации Социалистической Академии. Ее создатели, в число которых входили упомянутые М. Н. Покровский и В. Т. Тер-Оганесов, вынашивали далеко идущие замыслы ликвидации старой Академии и замены ее новыми, социалистическими структурами. Торжественное открытие первой в мире Социалистической Академии общественных наук состоялось 1 октября 1918 года, причем на правительственном уровне говорилось «об особом месте Академии» среди других научных учреждений. Один из руководителей Социалистической Академии, Е. А. Преображенский, прямо указывал, что она «имеет своей задачей сделаться центром научно-исследовательской работы и своего рода Госпланом в области идеологии»²⁶.

Осенью 1918 года Наркомпрос потребовал от Академии внести изменения в организационные основы ее деятельности в плане «их дальнейшей демократизации», преодоления «замкнутости и кастового духа», омоложения ее состава. Общим собранием была создана специальная Комиссия по пересмотру Устава РАН под председательством президента А. П. Карпинского. В состав ее вошли академики С. Ф. Ольденбург, А. А. Шахматов, И. П. Бородин, М. А. Дьяконов, Н. Я. Марр, В. А. Стеклов и др. В результате был разработан ряд мер по демократизации жизни Академии. Впервые в истории Академии наук при открытии вакансий на звание академика объявлялся конкурс, в котором могли принять участие представители вузов, ученых учреждений, научных обществ и др. Определялся предельный возраст для академика в 70 лет, после которого он не имел права избираться на административные должности. Объявлялась публичность заседаний и Общего собрания, и отделений РАН. Обо всем этом А. П. Карпинский сообщил А. В. Луначарскому в своем письме от 27 января 1919 года²⁷. Президент указал при этом, что все эти изменения тщательно обсуждались «сперва в специальной комиссии, а затем и в Конференции, и были окончательно приняты Академией».

В то же время Александр Петрович посчитал необходимым заметить: «Но Академия как учреждение научное и поэтому по самому существу своему чрезвычайно сложное должна была отнестись к предпринимаемым реформам с большим вниманием и большой осторожностью, дабы эти реформы либо не явились чисто бумажными, а потому нежизнеспособными, либо не оказались разрушительными, вместо того чтобы быть созидательными»²⁸.

В стране шла гражданская война, и, безусловно, для центральных органов Советской власти реформа Академии не являлась делом первостепенной важности. Поэтому ответ из Наркомпроса Академией был получен только в конце июля 1919 года. Наркомпрос посчитал невозможным согласиться с достаточностью проведенного самой Академией реформирования. В ответе указывалось, что «произведенную Академией реорганизацию Комиссариат не находит удовлетворительной ввиду несоответствия духу времени»²⁹. Были обозначены и конкретные проблемы, которые, по мнению наркомата, требовали разрешения.

— «Хотя к участию в выборах академиков привлечены ныне и представители ученых учреждений, и высших учебных заведений, все же самые выборы остаются в конце концов прерогативой Конференции Академии наук».

— «Академия, претендующая на звание Российской, остается не связанной со многими весьма важными из существующих учреждений и не объединяет изучение некоторых наук».

Таким образом, проект реорганизации возвращался «на доработку», которую следовало осуществить «в направлении большей демократизации Устава Академии и в направлении расширения сферы ее научной деятельности»³⁰.

По вполне понятным причинам, документ этот был воспринят учеными с большой тревогой и волнением. По распоряжению президента, вновь была организована комиссия под его председательством «для детальной разработки плана известного переустройства Академии, в связи с изменившимися общими условиями жизни и работы»³¹. Одновременно с этим были предприняты все возможные меры, чтобы обратиться к разуму людей, обладающих государственной властью. 15 августа 1919 года неперменный секретарь С. Ф. Ольденбург направил письмо в Москву академику П. П. Лазареву, который имел возможность контактов с некоторыми

*Академик С. Ф. Ольденбург, неперменный секретарь
Академии наук в 1904–1929 годах*

представителями верхних эшелонов власти. Сергей Федорович писал: «На Академию из Москвы, говорят, надвигается черная туча, Артемьев и Тер-Оганесов имеют какие-то планы полного уничтожения в простом декретном порядке... Поговорите с Красиным, пусть он поговорит с Лениным, тот человек умный и поймет, что уничтожение Академии наук опозорит любую власть. Мы здесь заняты разными проектами реорганизации для спасения дела»³².

В своих мемуарах, опубликованных к 200-летию юбилею Академии наук, А. В. Луначарский писал, что В. И. Ленин в вопросе о ее реформировании в 1919 году имел свою, и однозначную, позицию. Анатолий Васильевич вспоминал: «Он буквально предостерегал меня, чтобы кто-нибудь не „озорничал“ вокруг Академии»³³. Глава Советского правительства подчеркивал: «Нам сейчас вплотную Академией заняться некогда, а это

важный общегосударственный вопрос. Тут нужна осторожность, такт и большие знания, а пока мы заняты более „проклятыми” вопросами. Найдется у Вас какой-нибудь смельчак, наскочит на Академию и перебьет там столько посуды, что потом с Вас придется строго взыскивать»³⁴.

Поручиться за точность передачи мемуаристом приведенных выше высказываний председателя Совнаркома, по понятным причинам, трудно, но изучение источников по данному вопросу показывает, что именно на этой стадии вопрос о реформировании Академии наук во время гражданской войны оказался «исчерпан».

Центральные органы новой власти объективно не могли не считаться с тем авторитетом и известностью, которые приобрела Академия за долгий период своей истории. Сама жизнь подчас ставила перед властями проблемы, решение которых революционными, «левацкими» методами было просто невозможно, и приходилось прибегать к помощи науки, какой бы «буржуазной» она ни казалась. Так, в ноябре 1919 года Наркомпрос обратился в Академию с просьбой дать свое заключение «по вопросу введения латинского шрифта для всех народностей, населяющих территорию Республики»³⁵. Видимо, сам по себе этот вопрос возник в умах высокого начальства в связи с «приближением мировой революции» и необходимостью в ближайшем будущем руководить трудящимися сразу нескольких континентов. Запрос был направлен в ОРЯС. 6 декабря 1919 года заключение ОРЯС было утверждено Общим собранием и направлено в Наркомпрос. Заключение, получившееся конкретным и решительным, может быть, кого-то в Советском правительстве и не устраивало: «Академия принципиально решительно возражает против введения латинского шрифта как вообще для народностей, населяющих территорию Российской Республики, так и в частности для русского языка с его наречиями»³⁶.

В другой раз, в сентябре 1920 года, Наркомпрос обратился к Академии с просьбой содействовать в организации школ сельскохозяйственного типа для взрослого сельского населения, признавая «особенно ценным участие РАН, в частности, КЕПС, в деле распространения начал сельской культуры»³⁷.

В то же время жизнь и деятельность отечественных ученых в годы гражданской войны проходила в крайне тяжелых условиях: отсутствие какого-либо государственного материального обес-

печения исследовательских работ, голод и холод. Руководителям Академии, отдельным ученым приходилось годами вести борьбу за выживание науки и научных кадров. Иногда и прямые репрессии не обходили стороной известных ученых. Так, 4 сентября 1919 года К. И. Чуковский записал в своем дневнике: «Сейчас видел плачущего Горького. “Арестован Сергей Федорович Ольденбург, — вскричал он, вбегая в комнату издательства Гржебина. — Я им сделаю скандал, я уйду совсем из коммунистов. Ну их к черту!”»³⁸.

Активную позицию в борьбе за права ученых занимал академик И. П. Павлов. 4 октября 1919 года Общим собранием обсуждалось заявление, с которым выступил ученый. Приведем один фрагмент из этой речи Ивана Петровича: «Принимая во внимание, что наше нынешнее правительство, судя по некоторым признакам, не считает ученых тунеядцами, подлежащими беспощадному преследованию и истреблению, я имею честь обратиться к Собранию с предложением настаивать перед правительством о даровании ученым элементарных гражданских прав: неприкосновенности жизни, личной свободы, жилища и достояния, приобретенного честным и общепользным трудом»³⁹. Тогда совместно с Объединенным советом ученых учреждений и высших учебных заведений было принято решение направить соответствующую записку властям.

После неоднократных обращений ученых к Советскому правительству, 23 декабря 1919 года последовал декрет СНК «Об улучшении положения научных специалистов». Основные положения декрета сводились к следующему⁴⁰:

- предоставить усиленное довольствие наиболее выдающимся специалистам;
- освободить этих специалистов от всякого рода повинностей (трудовой, воинской и пр.);
- создать для научной работы этих специалистов необходимые жилищные условия.

В развитие данного декрета при Совнаркоме была создана Центральная комиссия по улучшению быта ученых (ЦЕКУБУ). На заседании Совнаркома 23 декабря 1919 года было постановлено, что число ученых, на которых распространяется действие упомянутого декрета, составляет 500 человек, к этому количеству ученых прибавили еще 50 литераторов. Таким образом, первоначальная контрольная цифра составляла 550 человек⁴¹. В январе

1920 года постановлением Петроградского Совета была образована подобная комиссия в Петрограде (Петрокубу) и, наконец, в августе 1921 года была создана Московская комиссия (Москубу). В работе ЦЕКУБУ в разное время принимали активное участие Н. А. Семашко, О. Ю. Шмидт, Н. Н. Федоровский, А. Б. Халатов. Академию наук в ней представляли М. М. Богословский и А. Н. Северцов. Комиссия функционировала до 1931 года, когда решением правительства была реорганизована в Комиссию содействия ученым при СНК СССР.

Совершенно очевидно, что упомянутые меры только отчасти решали эту тяжелую проблему. На одном из Общих собраний в марте 1920 года по инициативе И. П. Павлова данный вопрос обсуждался опять. Иван Петрович заявил, что «недавно установленный, так называемый, ученый паек произвел в некоторой части ученых несоразмерно успокоительное и, позволительно сказать, недостойное впечатление. Как будто трудность современного положения ученых только и заключалась в голодовке, хотя и эта сторона дела, что касается семейных ученых, и теперь, при пайке, остается вполне неудовлетворительной»⁴². Собранием было принято решение продолжать выступления за выживание отечественной науки. В сентябре 1920 года неприменный секретарь С. Ф. Ольденбург вновь обратился, на сей раз к управляющему делами СНК В. Д. Бонч-Бруевичу, с письмом, в котором аргументировано показал острый кризис, переживаемый академической наукой. Сергей Федорович писал о «невыносимом положении, которое грозит полным уничтожением учреждению, существующему уже скоро 200 лет, стяжавшему себе мировую известность и полное мировое признание его работ»⁴³. Сама по себе просьба ученых была довольно скромна, речь шла о «выдаче пайка, примерно отвечающего одному из красноармейских пайков, 280 работникам Академии, которая ведет упорную борьбу на фронте науки против разрухи и невежества».

Следует упомянуть, что А. М. Горьким, который в 1920–1921 годах являлся председателем Петрокубу, было многое сделано по улучшению материального положения и ученых, и творческой интеллигенции. Алексей Максимович неоднократно обращался к В. И. Ленину и другим руководителям Советского государства за помощью, так как приходилось сталкиваться и с нежеланием со стороны советских чиновников понять всю важность проблемы и преодолевать ведомственные барьеры. Недоброжелательную позицию по отношению

к петроградским ученым в этом вопросе занимал М. Н. Покровский, также являвшийся одним из руководителей ЦЕКУБУ. В своей телеграмме А. М. Горькому 19 марта 1920 года В. И. Ленин отметил: «Комиссия Покровского опротестовывает петроградский список как несправедливый» (имелся в виду список ученых на получение пайков)⁴⁴. Видимо, в результате слишком активной деятельности М. Н. Покровского, А. М. Горький был вынужден обращаться за помощью к А. В. Луначарскому. В своем письме к наркому от 23 июля 1921 года он писал о том, что «бестактные и демагогические выступления М. Н. Покровского все более разрушают налаженные отношения»⁴⁵.

А работа, проводимая в этом плане А. М. Горьким и другими организаторами петроградской науки, действительно была и важна, и плодотворна. Петрокубу удалось на базе Дома ученых создать столовую с пропускной способностью 2 тыс. человек, сапожную и «портняжную» мастерские, парикмахерскую, баню, прачечную. Были организованы дом отдыха и санаторий, функционировало общежитие. За 1920 год Отдел распределения КУБУ выдал 7 тыс. пудов продуктов двум тысячам научных работников⁴⁶.

Картина А. И. Вахрамеева «Академики за пайком». Аquareль 1922 года

В самые дальние уголки страны КУБУ направлялись «закупочные отряды» с целью добыть продовольствие. А. М. Горький при посылке очередного такого отряда в Туркестан в августе 1921 года просил председателя Комиссии ВЦИК и СНК по Туркестану М. П. Томского оказать помощь и с горечью отмечал: «Крупнейшие представители русской науки, имена которых известны всему миру, находятся в состоянии голодающих индусов, и даже ничтожные их заболевания завершаются смертью из-за полного истощения»⁴⁷.

Заметим, что и современники, и историки не всегда однозначно оценивали деятельность А. М. Горького в первые годы революции. В этом плане для нас небезынтересно свидетельство современника, хорошо знавшего факты. В. И. Вернадский писал своему сыну в июле 1921 года: «Роль Горького как культурного деятеля в страшный период развернувшейся пугачевщины огромна. (Его роль неправильно оценивали мы на юге России, и тем более неправильно оценивает эмиграция.)»⁴⁸.

При рассмотрении вопроса о положении научной интеллигенции в первые годы революции нельзя не вспомнить о деятельности Американской администрации помощи голодающим России (АРА). У историка есть основания считать эту деятельность очень полезной и эффективной. В коллекции документов АРА, хранящейся в Архиве Гуверовского института, имеется список академических ученых и профессоров вузов, которым АРА в течение 1921–1922 годов оказывала существенную помощь⁴⁹. Список на 128 листах включает 2011 фамилий. В их числе академики В. В. Бартольд, В. Н. Ипатьев, А. Н. Крылов, Ф. И. Щербатской, сотрудники Пушкинского Дома В. Д. Комарова и И. А. Томашевский, сотрудник Азиатского музея РАН П. В. Эрнштедт, сотрудник Зоологического музея РАН Г. Ю. Верещагин и многие другие. В Петрограде в 1921 году функционировала сеть из 19 столовых АРА.

Сотрудники АРА в своей работе сталкивались с большими трудностями, часто имевшими традиционно российский характер. Главный представитель АРА в Петрограде С. М. Саундерс в своем письме от 15 ноября 1921 года к уполномоченному Петросовета при АРА Г. А. Залкиндю сообщал о «массе беспорядков» и о «многочисленных случаях, в которых ясно видно было, что кое-что исчезало по дороге со склада в котел»⁵⁰. Далее американский представитель

выражал свое недоумение: «Мы, к сожалению, получаем очень мало ответов на наши письма к Вам и к Петрогубкоммуне». Приводились данные о 22 письмах АРА, на которые советскими властями так и не был дан ответ. А основания для волнений были. Так, в ночь на 18 октября 1921 года была обворована столовая АРА, расположенная по адресу: Васильевский остров, 10-я линия, д. 51. Украдены были продукты девяти наименований общим весом 409 кг⁵¹. На наш взгляд, подобная ситуация, сложившаяся в Петрограде, вполне отражала весьма неоднозначное и даже двусмысленное отношение органов Советской власти к АРА — лишь самая крайняя нужда заставляла принять в то время помощь у «проклятых буржуев».

Процесс оказания помощи со стороны АРА российской интеллигенции продолжался довольно долгий период времени. Так, в марте 1923 года А. В. Луначарский направил в АРА очередное благодарственное письмо «за внимательное отношение к нуждам учительства Советской России»⁵². Речь шла о получении 31 500 продовольственных посылок и 10 500 посылок вещевых.

В ноябре 1920 года Общее собрание Академии в очередной раз приняло решение обратиться к правительству с «Запиской», в которой было бы указано на катастрофическое положение научной работы в России, были бы предложены срочные меры по облегчению этого положения⁵³. В результате на свет появилась «Записка» от 22 ноября 1920 года, подписанная всеми руководителями РАН и направленная в правительство. Приведем лишь заключительный абзац этого важного исторического документа: «Если положение не изменится, то ясно, что погибать будут только ученые, не наука, которая бессмертна и всегда найдет пути, чтобы продолжать свое победное шествие к знанию. Ясно, что если одни из русских ученых погибнут в России жертвою ненормальных условий, то другие последуют примеру сотен своих товарищей, работающих и теперь плодотворно на мировую науку за пределами России. Но такой выход вряд ли может быть кем-либо засчитан нормальным и желательным»⁵⁴.

Трагическое звучание этого очередного послания ученых Советскому правительству было вполне обоснованно. К этому моменту, т. е. за три года революции, от голода, тяжелых лишений и упадка духа скончались сотни ученых, сотни были вынуждены покинуть страну. По нашим подсчетам, в скорбном числе умерших

только академиков было 12 человек⁵⁵. Это при том, что общая численность членов Академии, с учетом умерших и вновь избранных, составляла в среднем всего 40 человек⁵⁶.

Журнал «Наука и ее работники» № 3 за 1921 год поместил список известных отечественных ученых, «скончавшихся в течение последних трех лет»⁵⁷. Он насчитывал 179 фамилий, правда, редакция журнала указала, что «ввиду случайного характера информации об умерших за последние три года печатаемый ныне список скончавшихся научных деятелей далеко не полон». Сегодняшний историк должен отдать дань мужеству редакции, которая не убоялась указать и имена казненных новой властью ученых, например «выдающегося гидролога, гидрографа, исследователя Северного Ледовитого океана А. В. Колчака», «видного историка великого князя Николая Михайловича» и др.

Упомянутая выше «Записка» ученых 10 декабря 1920 года была рассмотрена на заседании Научного отдела Наркомпроса, а после этого направлена в СНК. Есть основания полагать, что именно данная «Записка» и стала главным поводом для события, ставшего в истории советской науки хрестоматийным — приема В. И. Лениным 27 января 1921 года руководителей Академии наук В. А. Стеклова и С. Ф. Ольденбурга вместе с А. М. Горьким и В. Н. Тонковым.

С окончанием гражданской войны очень медленно начала налаживаться деятельность Академии в мирных условиях. Летом 1921 года на правительственном уровне было принято решение об организационно-правовом порядке оформления заграничных научных командировок, столь необходимых ученым. Тогда же Академией было получено разрешение Наркомпроса на возобновление обмена научными изданиями с заграничными учреждениями. Наркомпрос решил, что дело это должно организовываться самими научными учреждениями «по типу прежних комиссий по международному обмену книгами», при этом Академия наук Наркоматом признавалась «главным издателем научных трудов»⁵⁸.

В результате неоднократных обращений и просьб руководства Академии 6 декабря 1921 года Совнаркомом был принят еще один декрет — «Об улучшении быта ученых»⁵⁹. Этим правительственным актом «число научных работников, подлежащих дополнительному академическому обеспечению», увеличивалось до 7 тыс. человек.

<p>а. 360^а Анар. руководителю Бюро на склад. Склад находится Осташковско-7 помеще- ние 6/8</p> <p>Передать документы Митрофанову</p> <p>1) О передаче документов Анар. Науч. с работником Плещин и Мухоморов.</p> <p>2) О характеристиках Удальцова, Митрофанова, Тугар. и Великого</p> <p>3) О выданных 397 каб- ков уфурла от Академии наук. Вместо 180, выдана 210 каб. по ошибке.</p> <p>Завтра выезжаю в Ардуретин Митрофанов (М. Иванов)</p>	<p>1920. ИЮЛЬ. 37</p> <table border="1"> <tr> <td>Воскресенье</td> <td>4</td> <td>не работала</td> </tr> <tr> <td>Понедельник</td> <td>5</td> <td>не работала (28 июля 1920)</td> </tr> <tr> <td>Вторник</td> <td>6</td> <td>веч. совещание</td> </tr> <tr> <td>Среда</td> <td>7</td> <td>в Крестово в</td> </tr> <tr> <td>Четверг</td> <td>8</td> <td>в Крестово в 8 часов</td> </tr> <tr> <td>Пятница</td> <td>9</td> <td>в Крестово в 8 часов</td> </tr> <tr> <td>Суббота</td> <td>10</td> <td>в Крестово в 8 часов</td> </tr> </table>	Воскресенье	4	не работала	Понедельник	5	не работала (28 июля 1920)	Вторник	6	веч. совещание	Среда	7	в Крестово в	Четверг	8	в Крестово в 8 часов	Пятница	9	в Крестово в 8 часов	Суббота	10	в Крестово в 8 часов
Воскресенье	4	не работала																				
Понедельник	5	не работала (28 июля 1920)																				
Вторник	6	веч. совещание																				
Среда	7	в Крестово в																				
Четверг	8	в Крестово в 8 часов																				
Пятница	9	в Крестово в 8 часов																				
Суббота	10	в Крестово в 8 часов																				

Записки вице-президента Академии наук В. А. Стеклова о результатах встреч с руководителями Советского правительства. 1921 год. Автограф

В значительной степени расширились права ЦЕКУБУ, в частности, в вопросах денежного обеспечения ученых, улучшения их жилищных условий, получения разрешения на выезд за границу и т. д.

В начале 1922 года был принят крайне важный для основной деятельности академических учреждений правительственный документ. Совнарком своим постановлением № 847 от 15 марта 1922 года предоставил Академии право беспошлинного получения из-за границы книг, приборов, инструментов, т. е. всего самого необходимого для развития научных исследований⁶⁰. В развитие этого постановления, летом того же года государственными органами было дано Академии разрешение на вывоз за границу коллекционного материала для обмена, рукописей трудов для печатания их в других странах, приборов и инструментов для ремонта и т. п. Правда, таможенные органы пропускали все это через границу только «при условии представления в каждом случае заверенного Наркомпросом списка подлежащих вывозу предметов»⁶¹.

В числе значительных льгот, предоставленных Советским правительством Академии наук, необходимо отметить и постановление Малого Совнаркома, принятое в декабре 1922 года, «Об освобождении от сборов почтовых отправок, посылаемых и получаемых Академией наук»⁶². Таким образом, с данного момента вся переписка Академии внутри страны велась бесплатно; этот факт имел большое значение для сохранения постоянных контактов с многочисленным активом на местах, с научными работниками, находившимися в самых отдаленных уголках страны.

Несколько опережая ход событий, укажем, что после неоднократных обращений Академии в правительство, 20 июля 1927 года было принято постановление ЦИК и СНК СССР о том, чтобы «распространить действие статьи 122-а Закона о военной службе на соответствующие категории научных работников Академии наук СССР и подведомственных ей учреждений»⁶³. Это значило, что научные сотрудники Академии получали отсрочку от призыва на военную службу «до достижения ими 30-летнего возраста».

Несмотря на то, что академическому руководству с наступлением мирного времени удалось добиться у правительственных органов ряда положительных результатов, способствовавших выживанию науки, общее финансовое положение Академии оставалось крайне неудовлетворительным. Она продолжала финансироваться по расходным сметам Наркомпроса, а на финансирование нужд этого ведомства государство могло выделять лишь самые незначительные бюджетные ассигнования. С введением новой экономической политики положение бюджетных учреждений непроизводительной сферы народного хозяйства резко ухудшилось. Это объяснялось тем, что сократилось государственное волевое распределение, носившее часто натуральный характер.

Единодушия в принятии нэпа в правящей партии не было. Многие коммунисты считали, что хотя во время военного коммунизма жилось тяжело, мучил голод и холод, но основы существовавшего в 1918–1920 годах строя были прекрасными, действительно коммунистическими. Денационализацию многих частных предприятий, свободу торговли, по существу реставрацию экономических отношений многие члены партии восприняли как крах «завоеваний Октябрьской революции», как измену коммунизму. Один из ответственных работников центрального аппарата власти

вспоминал позднее, что В. И. Ленин, «бешено идя против течения, властно, хлыстом заставил партию принять и политику концессий, и нэп, но глубокое непокоренное сопротивление всему этому в партии, несомненно, осталось, не было уничтожено»⁶⁴.

В новых экономических условиях резко сократилась доходная часть государственного бюджета, соответственно уменьшились и возможности волевого, командного распределения по линии государственных расходов. Кроме того, промышленность и сельское хозяйство продолжали находиться в состоянии разрухи и полного упадка в результате мировой и гражданской войн, а также в результате губительных «экспериментов» эпохи военного коммунизма.

Властные структуры традиционно и быстро определили «крайних» в очереди на получение бюджетных ассигнований, ими стали учреждения и организации систем Наркомпроса, Наркомздрава и Социального обеспечения. Так, в системе Наркомпроса количество школ 1-й ступени по РСФСР с октября 1921 по апрель 1922 года сократилось с 74 846 до 65 910 и, соответственно, число учащихся в этих школах сократилось с 5 661 824 до 4 960 513. К 1 апреля 1922 года было зафиксировано общее сокращение школьной сети на 10,6%, а учащихся на 17,6%⁶⁵. Причем Наркомпросом было отмечено, что и после 1 апреля 1922 года «продолжалось дальнейшее и еще более резкое сокращение сети».

Подобное положение дел было и в Главнауке Наркомпроса, т. е. в главке, который непосредственно руководил Академией наук. По состоянию на 1 октября 1923 года сеть Главнауки составляли 394 учреждения — это научные и художественные учреждения, общества, музеи и т. п. За один год эта сеть была резко сокращена и на 1 октября 1924 года составляла только 210 учреждений⁶⁶. Во всех учреждениях, подведомственных Главнауке, по состоянию на 1 октября 1924 года работало только 8 239 человек, из них 5 937 являлись штатными работниками, а 2 302 — совместителями. В Академии наук имелось всего 611 штатных единиц⁶⁷.

В. И. Вернадский писал в середине лета 1921 года: «Здесь работать, как следует, невозможно (разруха, голод, тяжелые условия жизни), и в этих невероятных условиях русские ученые в России делают огромное, великое дело. Не знаю, осознают ли его современники — но его оценит всякий историк»⁶⁸.

X Всероссийский съезд Советов, проходивший в конце декабря 1922 года, по докладу Наркомпроса вынужден был констатировать, что нельзя признать «ни в малейшей степени достаточной ту долю государственного бюджета, которая отпускалась Народному комиссариату просвещения», и поручил Совнаркому «срочно изыскать все действительные способы увеличения этой доли»⁶⁹. В развитие данного постановления съезд Советов поручил Наркомфину и Наркомпросу «разработать соответствующие налоговые мероприятия», доход от которых должен был бы идти на поддержку народного просвещения.

Таким образом, острые проблемы выживания и развития академической науки, по существу, «терялись» в мощном потоке проблем ведомства, на которое было возложено руководство, а главное — финансирование огромной сети школьных учреждений, высших и профессиональных учебных заведений, музеев, клубов, изб-читален, учреждений «социальной защиты детства» и пр.

Во взаимоотношениях Наркомпроса и Академии наук достаточно быстро сложилось устойчивое положение взаимного острого недовольства. Руководители первого не хотели и, скорее всего, просто не могли уделять вопросам развития науки главное свое внимание и наибольшую поддержку, а руководство Академии считало, что советские чиновники высоких рангов недопонимают и недооценивают значения фундаментальных научных исследований. С наступлением мирного времени руководители Академии активизировали свои попытки выйти из-под контроля Наркомпроса, в первую очередь, в вопросах финансирования науки. При этом в качестве главных аргументов приводились тезисы об уникальности того научно-культурного института, каковым на самом деле являлась Академия наук, о высокой ценности научных кадров, выросших в стенах этого учреждения, о ее международном авторитете и значении. Но в условиях складывающегося тоталитарного режима было совершенно ясно, что какому-то директивному органу Академия все-таки должна подчиняться (это, кстати, не противоречило двухвековой истории Академии и ее традициям).

Поэтому и родилась идея создания особого Комитета по науке, состоящего при Советском правительстве. Самая активная роль в решении этой сложной административно-организационной проблемы принадлежала В. А. Стеклову, избранному в мае

*Академик В. А. Стеклов, вице-президент
Академии наук в 1919–1926 годах*

1919 года вице-президентом Академии. Владимир Андреевич обладал твердым и решительным характером, большими организаторскими способностями. Позднее он писал в своих мемуарах о создании Комитета по науке следующее: «Много пришлось хлопотать по этому делу. Мне пришлось добиться свидания и поговорить откровенно со многими руководителями современной политики — с А. Д. Цюрупой, А. И. Рыковым, Л. Б. Красиным, Л. Б. Каменевым, Н. А. Семашко»⁷⁰.

12 апреля 1922 года В. А. Стеклов делал отчет на Общем собрании о своей очередной командировке в Москву. Вице-президент доложил своим коллегам о том, что ему удалось вручить

нескольким руководителям правительства докладные записки «о крайне тяжелом положении науки и необходимости принять срочные меры к устранению губительных и непоправимых последствий»⁷¹. В частности, Владимир Андреевич указал, что удалось добиться поддержки ряда руководителей страны «к скорейшему и беспрепятственному внесению проекта декрета в Совнарком и согласия А. И. Рыкова взять на себя председательство в этом комитете»⁷². 20 июля 1922 года Совнарком принял постановление «Об учреждении Особого временного комитета науки». Его главные задачи были определены следующим образом: «Выяснение всех научных и материальных потребностей ученых учреждений и принятие всех необходимых мер к их удовлетворению». В состав комитета вошли представители нескольких наркоматов: просвещения, финансов, внешней торговли, путей сообщений, ВСНХ — и сами ученые⁷³. Постоянным представителем Академии в нем стал В. А. Стеклов.

В 1922 году настойчивые обращения руководства Академии в правительство начали давать свои положительные результаты, СНК в течение года неоднократно выделял целевым назначением для Академии сверхсметные кредиты. Так, 31 марта 1922 года правительством были отпущены 100 тыс. руб.; 12 апреля выданы за счет резервного фонда 50 тыс. руб. на издательскую деятельность; 29 декабря СНК ассигновал 15 млн 500 тыс. руб. (в денежных знаках образца 1922 года) «на научные и хозяйственные расходы» и 7 млн руб. «для издания научных трудов»⁷⁴.

Наркомпрос, в свою очередь, неоднократно выступал против предоставления Академии финансовой самостоятельности. Так, в начале сентября 1923 года Наркомпрос пытался опротестовать постановление Совета Труда и Оборона (СТО) от 7 сентября 1923 года о целевом выделении Академии 60 тыс. руб. золотом на строительные работы. Возникшая конфликтная ситуация специально рассматривалась на одном из заседаний СНК СССР, причем упомянутое постановление СТО было утверждено. Кроме того, Совнарком на этом же заседании постановил: «Принимая во внимание общесоюзное значение Академии наук, предложить СНК РСФСР при обсуждении сметы Наркомпроса сделать главным распорядителем кредитов по Академии наук — Академию наук»⁷⁵.

Участившиеся с наступлением мирного времени попытки Академии ослабить свою зависимость от Наркомпроса встречали его активное противодействие. Наркомат не только не приветствовал это стремление перейти в непосредственное ведение Совнаркома, но и всячески стремился укрепить свое влияние, даже путем строгого соблюдения внутринаркоматовской «субординации». Так, заведующий Петроградским управлением научных учреждений М. Кристи (это был территориальный орган Главнауки Наркомпроса) в своем циркуляре от 5 июля 1921 года, отметив, что «повторяются случаи обращения Академии непосредственно в Москву, в Наркомпрос», указал, что «по всем вопросам» следует обращаться «по команде», т. е. сначала в Петроградское отделение Главнауки⁷⁶. В апреле 1924 года Академией было получено аналогичное распоряжение начальника Главнауки Ф. Н. Петрова, в котором подчеркивалось, что все вопросы надо решать «с ведома Ленинградского отделения Главнауки»⁷⁷.

Именно поэтому главные выводы комиссии Наркомпроса, инспектировавшей в январе 1924 года научные учреждения Петрограда, были следующие:

— «РАН в отношениях организационно-административном и финансовом должна находиться в ведении Главнауки на общих основаниях с другими учреждениями, подведомственными Главнауке»;

— «Главнаука в контакте с ГУСом (Главный ученый совет Наркомпроса. — В. С.) проводит в РАН идеологическую и научно-методическую линию»⁷⁸.

Таким образом, чиновники очень хотели руководить развитием академической науки на «общих основаниях».

К сожалению, формы и методы подобного руководства продолжали оставаться традиционными для России. Так, в августе 1924 года Академией был получен циркуляр Ленинградского отделения Главнауки, требовавший от сотрудников заполнения и присылки анкет установленной формы. При этом указывалось, что «всякая неточность в ответах на вопросы будет преследоваться законом»⁷⁹. Например, один из «принципиальных» вопросов анкеты гласил: «Социальное положение до 1917 г.?».

В начале 1925 года Наркомпрос направил в Совнарком специальную «Записку», в которой, соглашаясь с тем, что Академия

является «всесоюзным высшим научным учреждением», все-таки настаивал на том, чтобы она оставалась «в ведении и на бюджете Наркомпроса РСФСР по соображениям идеологическим, плановым и организационным»⁸⁰. Нам хорошо знакомо стремление российских чиновников всех рангов простыми и традиционными методами повышать значимость своего «сидения» в кабинетах, а «тонкий» намек в последнем документе на «идеологические соображения», скорее всего, имел плохо маскируемый провокационный характер.

В июле 1924 года Особый временный комитет науки был ликвидирован «как выполнивший свои задачи»⁸¹. На последнем заседании этого комитета, проходившем 12 июля 1924 года, был поставлен вопрос о необходимости создания общесоюзного органа по делам науки. Однако коллегия Наркомпроса посчитала возможным не поддержать эту идею и решила, что внесение соответствующих предложений в Совнарком следует «отложить до решения общего вопроса об организации научной работы в масштабе СССР»⁸².

Идея создания постоянного общесоюзного органа, осуществлявшего координацию научных исследований, нашла свое воплощение лишь позднее, в Комиссии содействия научным работам при СНК СССР, утвержденной правительством в 1926 году. Эта комиссия, возглавляемая А. С. Енукидзе, оказывала успешное содействие реализации международных научных проектов Академии, развитию экспедиционной деятельности, особенно по изучению территорий союзных и автономных республик, помогала решать вопросы финансирования. В письме руководства Академии, направленном в августе 1928 года А. С. Енукидзе, говорилось, что этой комиссии Академия «обязана очень многим из последних достижений»⁸³. Комиссия содействия была ликвидирована в 1929 году.

Следует упомянуть о том, что в 1927–1929 годах Академия, наряду с другими научными структурами, входила еще в круг ведения Отдела научных учреждений СНК СССР (ОНУ СНК). Однако функции ОНУ СНК в декабре 1929 года были переданы Комитету по заведованию учеными и учебными учреждениями ЦИК СССР, соответственно, с начала 1930 года Академия находилась в его ведении.

Отметим, что энергичная и целенаправленная деятельность руководства Академии наук увенчались успехом. 27 июня 1925 года было принято постановление ЦИК и СНК СССР «О при-

знании Российской Академии наук» высшим учебным учреждением Союза СССР».

Этот правительственный Акт был приурочен к славному 200-летию Юбилею Академии наук. (О юбилейных торжествах см. в следующем параграфе данной главы.)

Надо сказать, что взаимоотношения Академии с руководством Советского государства, конечно, не являлись простыми и «безоблачными», какими они были продемонстрированы в период подготовки и проведения ее 200-летнего юбилея, в 1925 году. Дело в том, что в это время в самой правящей партии еще не было единодушия в выборе форм и методов «строительства нового общества». Соответственно, еще не было единой тактики органов власти по отношению к Академии наук.

В партийном и государственном руководстве страны наиболее четко проявлялись две тенденции в отношении к Академии. Первая «сводилась к стремлению заменить Академию другими структурами, жестко и непосредственно подчиненными центральным властям и лишенными любых остатков академических свобод»⁸⁴. Здесь, прежде всего, имелась в виду Социалистическая академия, преобразованная в 1923 году в Коммунистическую академию. Одним из наиболее решительных и жестких противников Российской Академии наук являлся М. Н. Покровский. Он одновременно занимал несколько ответственных постов — был заместителем наркома просвещения, главой Центрархива и Комакадемии, председателем Общества историков-марксистов. Его личная позиция, видимо, во многом определяла те сложные и подчас негативные отношения, которые сложились у РАН с упомянутыми организациями.

Другая тенденция власти в отношении РАН была более умеренной и взвешенной. Безусловно, и в этом случае ставилась задача постепенного полного подчинения Академии руководству страны. «По-видимому, намечались два комплекса мер: один — огосударствление Академии, другой — ее большевизация, т. е. введение в ее состав большой группы академиков-большевиков и овладение, с опорой на них, командными высотами внутри Академии»⁸⁵.

Изучение документов высших и центральных органов власти дает нам основание считать, что из руководителей государства подобных взглядов придерживались председатель СНК А. И. Рыков,

секретарь ЦИК СССР А. С. Енукидзе, нарком внешней торговли Л. Б. Красин, нарком просвещения А. В. Луначарский, управляющий делами СНК Н. П. Горбунов и др. Показательна в этом отношении позиция Н. П. Горбунова, который, будучи принципиальным сторонником всемерной «советизации» Академии, в то же время многое делал в плане практической помощи науке. Николай Петрович во время своей служебной командировки в Германию в октябре 1925 года по собственной инициативе вел переговоры с президентом Общества содействия развитию немецкой науки Ф. Шмидтом-Оттом и другими руководителями германской науки о развитии германо-советского научного сотрудничества. В Архиве Берлинско-Бранденбургской Академии наук нам удалось найти протокол одного из подобных совещаний, состоявшегося в Берлине 1 октября 1925 года. Большая роль в будущих совместных работах отводилась Академии наук СССР⁸⁶. В частности, предполагались обширная совместная экспедиция в Монголию, экспедиция по изучению малярии, совместные исследования по генетике растений с участием Н. И. Вавилова, экспедиция по изучению Северной Сибири на цеппелине и др. Через несколько дней, 9 октября 1925 года, Н. П. Горбунов уже из Парижа направил письмо секретарю СНК И. И. Мирошникову, где информировал о ходе своей командировки. В письме подчеркивалась важность переговоров с руководителями германской науки: «Совершенно невозможно отказаться от той работы, которая закрепляет то, что дал юбилей (имелся в виду 200-летний юбилей Академии. — В. С.) и ради чего была заварена вся каша»⁸⁷. Далее автор письма сделал доверительное признание своему коллеге по Совнаркому и попросил поддержки: «Иван Иванович, работу эту я предпринял по своей инициативе. Можно ли действовать официально, в контакте с нашими полпредствами? Доложи А. И. Рыкову, дайте мне директиву. Будет ли финансироваться эта работа?»⁸⁸.

В среде партийных лидеров также были люди, умевшие при уже сложившемся в стране тоталитарном режиме сохранять здравый смысл и проявлять известной степени объективность по отношению к Академии. Заслуживает внимания замечание, сделанное в июне 1929 года В. И. Вернадским в одном из писем к сыну: «Д. Б. Рязанов и Н. И. Бухарин после первой сессии решительно выступили против коренной ломки Академии наук»⁸⁹.

Сегодняшнему историку ясно, что в конечном итоге победила вторая тенденция в развитии взаимоотношений власти и Академии. Подобная тактика правительства была коротко сформулирована А. В. Луначарским следующим образом: «Наши реформы изменяют Устав, затем мы меняем ее (Академии) состав, т. е. прибавляем туда большое количество новых академиков»⁹⁰.

В октябре 1923 года Главнаука вновь обратилась к Академии с требованием внести изменения в Устав. В ноябре 1923 года этот вопрос активно обсуждался на заседаниях всех трех Отделений и на Общем собрании. Был разработан перечень тех научных дисциплин, которыми должны были заниматься академические учреждения, он вырос до 25 дисциплин. При выборах право выдвижения кандидатов предоставлялось не только Академии, но и другим научным учреждениям и отдельным ученым. По предложению Общего собрания, выборы должны были производиться действительными членами Академии наук, а результаты их подлежали утверждению СНК СССР⁹¹. Позднее в одном из своих писем в Главнауку С. Ф. Ольденбург отмечал, что в течение всех семи лет Советской власти Академия работала над решением задач государственного строительства, и «ни правительство, ни Академия при этом не задумывались над уставными вопросами». Но в связи с тем, что Академии предъявлено требование пересмотреть ее Устав, учеными было проведено предварительное обсуждение проекта нового Устава. Далее Сергей Федорович достаточно дипломатично сформулировал главное желание Академии, которая полагала, что «ее общесоюзное и, более того, международное значение делает необходимым непосредственную связь с СНК СССР, при постоянных отношениях с Наркомпросом РСФСР, на территории которого она находится»⁹².

В декабре 1924 года проект нового Устава был рассмотрен и одобрен Наркомпросом. В июле 1925 года Совнаркомом была создана специальная комиссия для окончательной доработки академического Устава. Правительственные органы в ней представляли В. П. Милютин и Н. П. Горбунов, а от Академии в нее вошли В. А. Стеклов и С. Ф. Ольденбург. В январе 1926 года по решению этой комиссии проект был разослан на отзыв в представительства союзных республик. В феврале–июне в Академию поступили заключения представительств БССР, ЗСФСР, РСФСР, УССР, УзССР; ряд

полученных замечаний был учтен при окончательной доработке документа.

Наконец, 18 июня 1927 года новый Устав АН СССР был утвержден Совнаркомом. Параграф 1-й гласил: «Академия наук Союза ССР есть высшее ученое заведение Союза ССР, состоящее при Совете Народных Комиссаров Союза ССР, которому она ежегодно представляет отчет о своей деятельности»⁹³. Отметим только самые существенные нововведения Устава 1927 года:

— вместо трех существовавших отделений Академии вводились два: Отделение физико-математических наук (ОФМН) и Отделение гуманитарных наук (ОГН);

— смета Академии должна была «проводиться через Управление делами СНК СССР особым параграфом по общей смете последнего»;

— право выдвижения кандидатов на выборы в академики предоставлялось «ученым учреждениям, общественным организациям, отдельным ученым и их группам»;

— академики «могли иметь в своем составе 70 действительных членов» (т. е. их количество было увеличено с 45 до 70)⁹⁴;

— вместо одной вводились две должности вице-президентов. По настоянию правительства в Устав была введена статья 22-я, которая гласила: «Действительный член Академии наук лишается своего звания, если он не выполняет обязанностей, налагаемых на него этим званием, или если его деятельность направлена явным образом во вред Союзу ССР»⁹⁵. В академическом Уставе, утвержденном правительством в 1930 году, примерно в такой же редакции данное положение излагалось в статье 19-й. Несколько опережая ход событий, отметим, что именно на основании 19-й статьи ряд ученых был исключен из состава действительных членов Академии наук по прямому указанию властей. Например, в феврале 1931 года подобное решение было принято Общим собранием в отношении академиков С. Ф. Платонова, Е. В. Тарле, Н. П. Лихачева и М. К. Любавского, в марте 1931 года на этом же формальном основании был исключен Д. Б. Рязанов и т. д.

Таким образом, в окончательном и утвержденном варианте академического Устава нашла свое отражение именно тенденция властных структур по постепенному, полному подчинению Академии по упоминавшейся нами формуле А. В. Луначарского: «Наши реформы изменяют Устав, затем мы меняем ее состав». Данное положение

подтверждается еще и тем фактом, что буквально через несколько месяцев после принятия нового академического Устава Совнарком своим постановлением от 3 апреля 1928 года вновь увеличил число действительных членов до 85 человек.

Между тем положение культуры и просвещения в стране и с дальнейшим развитием мирного периода продолжало оставаться крайне сложным, ввиду острого недостатка финансовых средств. Данное обстоятельство, безусловно, влияло на состояние науки в советском обществе. Выше мы уже упоминали о постановлении X Всероссийского съезда Советов в декабре 1922 года, признавшего финансирование деятельности Наркомпроса совершенно неудовлетворительным и поручившего правительству изыскать дополнительные ассигнования на эти цели. В январе 1923 года «Правда» опубликовала одну из последних работ В. И. Ленина — «Странички из дневника». Глава правительства настаивал на том, что «в первую очередь должны быть сокращены расходы не Наркомпроса, а расходы других ведомств, с тем чтобы освобожденные суммы были обращены на нужды Наркомпроса»⁹⁶. Далее выдвигалось требование о том, что «народный учитель должен у нас быть поставлен на такую высоту, на которой он никогда не стоял, и не стоит, и не может стоять в буржуазном обществе». «Глас» тяжело больного председателя Совнаркома услышан властными структурами уже не был. Заместитель наркома просвещения И. И. Ходоровский в одной из своих основательных статей подвел печальные итоги 1923 года. Бюджетные расходы на народное просвещение составили «на одну душу населения» 35–40 коп. (при сопоставимой цифре 1914 г. 1 р. 31 к.); на обучение одного студента государство затратило в 8–10 раз меньше, чем в 1914 г.; и наконец, сельский учитель получал зарплату по 4–5 руб. в месяц, тогда как в 1915 г. она составляла в среднем 30 руб. в месяц⁹⁷. Кроме того, И. И. Ходоровский указал, что имеющаяся школьная сеть «охватывает только 50% детей в возрасте от 8 до 12 лет» (следовательно, около 4 млн. детей находилось «за бортом школы»).

Драматизм ситуации усугублялся еще тем, что и эта ничтожная зарплата выдавалась работникам просвещения крайне нерегулярно. В Архиве Гуверовского института нам удалось выявить интересные документы по данному вопросу. Наше внимание привлек «Протест» учителей петроградских школ, направленный

в середине мая 1922 года в ряд государственных и профсоюзных органов. Суть дела заключалась в том, что из общего числа петроградских школьных работников, составлявшего 10 тыс человек, многие месяцами не получали свою зарплату. Так, в феврале 1922 года ее не получили 33,2% учителей, в марте — 78%, в апреле — 75%⁹⁸. «Протест» завершал риторический вопрос, поставленный авторами этого документа: «Могут ли оскорбленные, измученные и больные люди воспитывать сильное и радостное поколение?». Несколько опережая ход событий, заметим, что подобная тяжелая ситуация в просвещении в стране сохранялась еще много лет. Например, в справке Наркомпроса РСФСР, направленной в мае 1931 года в ЦК ВКП (б), говорилось, что «положение дел в процессе всеобщего обучения в 1927–1930 гг. было и остается еще явно неудовлетворительным, по РСФСР фактический охват детей школами 1-й ступени выразился лишь в 56,4%»⁹⁹.

Следует иметь в виду, что выделяемые в те годы бюджетные ассигнования (явно недостаточные) в Наркомпросе распределялись таким образом, что науке, естественно, выделялась их меньшая доля: на учреждения Главпрофобра — 42,6%; на учреждения Главсоцвоса — 23,8%; на Главполитпросвет — 15,5%; на учреждения Главнауки — 14,2%¹⁰⁰.

Отметим, что смета государственных расходов на 1922/23 финансовый год составляла 1,5 млрд. золотых рублей, при этом Наркомпросу отпускалось из этой суммы 47 144 387 руб., т.е. 3,13%¹⁰¹. В 1914 году на нужды Министерства просвещения отпускалось 5,1% от общей суммы государственных расходов.

Приведем теперь конкретные данные о материальном положении научных сотрудников РАН. К началу 1924 года Академия имела всего 611 штатных единиц (тогда еще употреблялся термин «платежных единиц»). Наркомпросом отпускалось на зарплату сотрудникам 21 523 руб. в месяц. По оплате в Академии существовало всего 18 разрядов, максимальный оклад по 17-му разряду составлял 100 руб., а минимальный оклад по 4-му разряду — 10 руб. в месяц¹⁰². Причем на ведение непосредственно научно-исследовательской работы выделялись такие гроши. В подобных условиях у отдельных ученых не могли не возникать мысли о необходимости и целесообразности уехать из России для того, чтобы продолжить свою работу в зарубежных научных центрах. Например,

подобная дилемма стояла в те годы перед В. И. Вернадским. Весной 1923 года он писал своему сыну в США: «Я не хочу усложнять положение Академии наук, которая мне дорога и которую я считаю одной из крупнейших ценностей русских и крупных ценностей человеческих. А она поддерживается только авторитетом и активностью ее членов. Жить в рабочей обстановке России отвратительно. Но жить эмигрантом тоже не сладко. (Порывать со своим народом поздно сейчас для меня, хотя право этого для научной деятельности я признаю.)»¹⁰³

В подобных экономических условиях в январе 1924 года XI Всероссийский съезд Советов, по докладу Наркомпроса, определил новые масштабные задачи «в деле повышения культурно-политического уровня народных масс, ликвидации неграмотности к 10-летию Октябрьской революции»¹⁰⁴. А. В. Луначарский доложил делегатам подробный план деятельности Наркомата по ликвидации неграмотности. Речь шла о 17 млн. населения России¹⁰⁵. Решение съезда было принято единогласно, и, как отмечает стенографический отчет, «прений по докладу не было». Данный факт несколько настораживает историка. «Прений» не могло быть по двум возможным главным причинам: либо проблема проста, и решение ее затруднений не вызовет, либо проблема, по мнению делегатов съезда, не входит в разряд первостепенных государственных задач и оставляет их равнодушными¹⁰⁶.

Однако для реализации подобной программы нужны были средства, а их не было, т. е. были в размере 3% от бюджета страны. Впряглась в этот воз «ломовая лошадь» — российская интеллигенция и с большим трудом потянула его вперед. Как шел этот «революционный» процесс? Учителя по много месяцев не получали своей нищенской зарплаты, тысячи клубов, изб-читален, местных музеев держались только на одном, правда, неподдельном, энтузиазме своего актива, научные работники центров делали все, чтобы помочь своим коллегам на местах. И все верили, что мы очень бедны, что в казне нет средств. В то же время для промышленности, работающей на армию, чаще всего находились требуемые ею миллионы, постоянно рос партийный и государственный аппарат, одной из главных функций которого была функция охранительная (а подчас охранная), огромные суммы направлялись на различные мероприятия по линии Коминтерна и т. д.

Материальная «недостаточность» и верность долгу, патриотизм и энтузиазм являлись традиционными чертами лучшей части российской интеллигенции. При всем этом на разных этапах российской истории особого доверия, внимания и поддержки власти интеллигенция чаще всего не встречала. В известной мере это обуславливалось традициями Византии, унаследованными Россией, и вообще всей организацией общественных отношений и шкалой ценностей военно-феодалного государства. После Октябрьской революции данное положение изменилось в незначительной мере.

В мае 1918 года на встрече руководителей Наркомпроса с представителями Всероссийского учительского союза Н. К. Крупская¹⁰⁷ заявила, что «учителям доверять нельзя, это люди, поставленные старым режимом, они подбирались попами и кулаками во вред народным интересам... Социал-демократы не могут допустить отступления от своей программы, требующей избрания учителей всем населением»¹⁰⁸. Редакция журнала «Известия Всероссийского учительского союза», приведя эти высказывания одного из видных организаторов советского просвещения, призвала своих коллег «прекратить всякое общение с этими жалкими представителями власти, наивно-невежественно или сознательно ведущими русскую школу к полному разрушению». Полагаем, что многолетнее «сидение» в эмиграции и отрыв от реалий российской жизни являлись одними из основных причин подобной, действительно, «наивно-невежественной», позиции большевистских лидеров.

Несколько позднее, осенью 1918 года один из главных организаторов Социалистической академии, М. А. Рейснер, на публичной лекции, состоявшейся в Московском политехническом музее, указывал на то, что «буржуазные профессора отказались дать науку массам, у них нет доверия к гению масс... они оказались против науки»¹⁰⁹. С тех пор прошло много лет, и, кажется, вопрос о «гении масс» в России утратил свою актуальность и значимость.

После окончания гражданской войны многие представители отечественной интеллигенции решили навсегда связать свою судьбу с новой властью, полагая, что наконец-то начнут осуществляться давние мечты о просвещении масс. Однако в отношении власти к самой интеллигенции больших изменений не произошло. Нарком просвещения А. В. Луначарский недвусмысленно выразил данное положение в одной из своих статей, опубликованной в 1922 году:

«Нет никакого сомнения, что интеллигенция за эти 4 года постепенно примирилась с очевидно неотвратимой бедой, какой являлось для большинства ее столь „неудобная“ революция. В целом, в массе, у интеллигенции не хватало подъема для ее правильной оценки. Этого исторического факта не могут скрыть от нас никакие последующие явления, и грех интеллигентского Содома не искупят отдельные праведники»¹¹⁰. Позволим себе напомнить, что это высказывание принадлежит тому, кого с гордостью величали «интеллигент среди большевиков». Стоит ли удивляться той позиции, которую занимали в этом вопросе «настоящие» большевистские вожди. Например, Л. Д. Троцкий в своей статье «Внеоктябрьская литература», опубликованной в 1923 году в книге «Литература и революция», со свойственной ему решительностью утверждал, что «ретроградное тупоумие профессиональной интеллигенции после опыта русской революции не нуждается в доказательствах».

В процессе укрепления тоталитарного режима, при переходе его к репрессивной политике подобные «идеи» немедленно находили себе применение. Так, в передовой статье одного из номеров журнала «Научный работник» за 1930 год приводилось следующее «ценное» наблюдение и обобщение: «Не надо обладать большой проницательностью, чтобы установить органическую связь между кулаком, правым профессором и международной реакцией»¹¹¹.

Прошло несколько лет, в директивах Госплана по народному просвещению на 1927 год был подведен невеселый итог этой грандиозной по своим задачам программы: «Ввиду того что утвержденный XI Всероссийским съездом Советов перспективный план ликвидации неграмотности оказался невыполненным, количество безграмотных не уменьшается, необходимо пересмотреть сроки, разработать новый план на более точном учете средств»¹¹². Госпланом были определены, «с учетом средств», и конкретные возможности Наркомпроса в этом деле: «Контингент лиц, подлежащих ликвидации неграмотности (так в тексте. — В. С.), в наступающем году признать ориентировочно в количестве 1 млн — 1 млн 200 тыс. человек» (это при точке начального отсчета в 17 млн неграмотных).

Все сказанное выше убеждает нас в том, какое, мягко говоря, «нелегкое» положение было у руководителей Наркомпроса.

Отсюда становится понятно, как зародился в 1920-е годы и продолжал поддерживаться отдельными историками тезис о том, что «Наркомпрос всегда был царством прожектов и разглагольствований»¹¹³. На наш взгляд, любые более или менее масштабные «благие намерения» в области культуры, просвещения и науки без должного их финансового (материального) обеспечения останутся лишь «прожектками».

В этой связи следует более осторожно оценивать и нередкие в те годы высказывания руководителей Академии наук о том, что в руководстве Наркомпроса «не было людей, близко интересующихся и понимающих важность и значение науки»¹¹⁴. Скорее всего, дело было не только и, пожалуй, не столько в недопонимании и недооценке науки, но и в отсутствии реальных возможностей.

Здесь будет уместно вспомнить один из эпизодов из истории взаимоотношений Академии с Наркомпросом. В октябре 1927 года С. Ф. Ольденбург в письме к А. В. Луначарскому просил дать Академии разрешение на совместную научную работу с Международным институтом интеллектуального сотрудничества¹¹⁵. В своем ответном письме Анатолий Васильевич указал, что он «не может единолично решать этот вопрос», и запросил по этому поводу мнение Наркомата иностранных дел (НКИД). А поскольку НКИД дал «несколько уклончивый ответ», то придется пока «в вежливой форме ответить, что вопрос рассматривается», и ждать определенного указания правительства¹¹⁶. Нарком просвещения так прямо и подчеркнул в своем ответе, что сам он нуждается «в определенном указании правительства». Думается, что А. В. Луначарский в данном случае невольно высказал давно укоренившуюся в нем мысль о том, что, например, Наркомат иностранных дел, несомненно, является органом правительства, а Наркомпрос является чем-то другим¹¹⁷.

Во второй половине 1920-х годов сложилась бюрократическая «разрешительная» система в деле организации международного научного сотрудничества. Любой шаг в этом направлении Академия могла сделать только с разрешения правительственных органов. Существовала и определенная иерархия отношений, чаще всего Академия обращалась в Наркомпрос, а тот — далее, «по службе». Обычно орган власти — часто это был Отдел научных учреждений СНК — до окончательного решения того или иного вопроса требовал дать по нему заключение специалистов:

Наркомата иностранных дел, или официальных идеологических структур (к ним относилась Коммунистическая академия), или других «компетентных органов». Так, в январе 1928 года Отдел научных учреждений СНК по заключению НКИД запретил учреждениям Наркомпроса сотрудничество с Международным институтом научной организации труда «ввиду неприемлемости для нас, по известным соображениям, института»¹¹⁸. Та же участь постигла весной 1929 года запрос Академии наук о возможности проведения совместной с германскими учеными этнографической экспедиции. По заключению НКИД Отдел научных учреждений СНК принял решение запретить «привлечение германских ученых к работам по изучению различных этнографических категорий в немецких поселениях в СССР»¹¹⁹. По всей вероятности, «потемкинских деревень» на территориях немецких поселений к этому времени создать не удалось.

Безусловно, для Наркомпроса, как и для всего центрального аппарата Советской власти, были характерны крупные и весьма пагубные «грехи» и недостатки: это и совершенно бюрократический стиль работы, и административно-командные методы руководства подведомственными учреждениями, и ярко выраженная идеологическая «зашоренность», и многое другое. Центральный аппарат власти в условиях крепнувшего тоталитарного режима не мог существовать и функционировать по-другому, все определяли внеэкономические принципы управления социалистическим обществом.

В этом плане представляют интерес выявленные нами несколько писем академика Н. Я. Марра, являвшегося тогда директором Академии истории материальной культуры, руководителям государства. В мае 1926 года он писал А. В. Луначарскому о фактах «неорганизованности Наркомпроса», он считал, что «только его организованность может установить правильное течение дел по всей линии научных учреждений»¹²⁰. В письме председателю СНК А. И. Рыкову, отправленном в декабре того же года, Николай Яковлевич более конкретно формулировал свою неудовлетворенность деятельностью Наркомпроса, который, по его мнению, «до сих пор не осознал своих целей, не выработал методов проведения их в жизнь и занимается вместо этого импрессионистски построенными планами»¹²¹. Ученый

считал, что наркомату необходимо переходить на новые методы «от старых, опирающихся на циркуляры и диктовку сверху», что нужна «подлинная, деловая увязка с научными учреждениями» и т. д. Почти все свое письмо Н. Я. Марр посвятил критике форм и методов работы Наркомпроса, а главная проблема, на наш взгляд, была затронута им как бы случайно: «Для веками не утолявшейся жажды масс к познаниям средства требуются колоссальные, а их не хватает». Потребуется долгие годы для того, чтобы нам уяснить твердо, что, когда «средств не хватает», тогда и рождаются «импрессионистски построенные планы».

Во второй половине 1920-х годов финансовое положение науки в стране в целом продолжало оставаться бедственным. Согласно отчету Главнауки Наркомпроса за 1927 год, в ведении этого главка находилось 245 научно-исследовательских и научно-художественных учреждений, научных обществ и музеев, состоящих на государственном бюджете; 136 подобных учреждений в это время имели статус только «получающих субсидию», и, наконец, большая часть научных организаций, в количестве 1 034, оставались «без субсидий, на учете и под идеологическим руководством Главнауки»¹²² (следовательно, всю подведомственную сеть составляли 1 415 учреждений). В данном случае мы имеем дело с одной из характерных особенностей социалистического подхода к науке и культуре, когда «идеологического руководства» хватает на всех, но многие остаются «без субсидий, на учете». Знаменательно, что и подобную грустную статистику авторы отчета Главнауки сумели подать в весьма оптимистическом тоне: «Если вспомнить, что в наследие от царской России Советы получили всего только несколько десятков учреждений и организаций, мы можем сказать, что громаднейшая часть 1 415 единиц является созданием революционного времени, что простой подсчет обнаруживает необычайное оживление научной мысли в стране»¹²³.

Придание Советским правительством Академии наук статуса Высшего всесоюзного учебного учреждения и утверждение ее нового Устава, к сожалению, не означали, что окончательно победила одна тенденция в отношении власти к Академии, тенденция мирного, эволюционного развития взаимоотношений. Сложившиеся в стране политические условия объективно этому не способствовали. В правящей партии шла жестокая борьба группировок

за власть, эхом, а порой и «девятым валом» прокатывались результаты этой борьбы по всему государственному аппарату, по всей жизни советского общества. Набирал обороты и процесс складывания тоталитарного режима, его приметы уже начали проявляться во всей своей уродливой форме.

Как уже отмечалось выше, параллельно с Академией наук СССР развивалась Коммунистическая академия, которую многие в партийном руководстве осознали как «вершину научной пирамиды, как учреждение, долженствующее венчать здание советской науки»¹²⁴. Властные структуры всемерно поддерживали Комакадемию, в достаточных размерах финансировали ее деятельность. С 1923 по 1925 год бюджетные ассигнования на нее возросли в 10 раз. Сам М. Н. Покровский в докладе, посвященном 10-летию Комакадемии, о взаимоотношениях с органами власти говорил: «Нам шли навстречу, с чрезвычайно исключительной щедростью»¹²⁵.

К началу 1927 года число академиков в Комакадемии составляло 72 человека, правда, в этот список входили и такие «ученые», как И. В. Сталин, В. М. Молотов, А. И. Рыков и др.¹²⁶ Функциональные задачи Комакадемии на протяжении 1920-х годов постоянно возрастали. Один из ее руководителей, О. Ю. Шмидт, отмечал в 1927 году: «Первоначально проект Социалистической академии охватывал только науки общественные. Но вскоре у нас развернулась борьба за материалистическое мировоззрение в области естественных наук. И пленум Академии принял решение, и весной 1926 г. была образована Секция естественных и точных наук»¹²⁷.

Надо сказать, что руководители Комакадемии подчас видели в Академии наук СССР не просто конкурирующую организацию, но и общественную структуру, по отношению к которой следует проявлять недружественное отношение. Так, в 1928 году М. Н. Покровский публично давал следующую характеристику состоянию гуманитарных наук в Академии наук СССР: «Как бедно у них представлена гуманитарная область. До сих пор она у них представлена одним С. Ф. Платоновым, к которому теперь присоединился Тарле. Всего только два человека, а у нас людей соответствующего калибра по линии общественных наук больше»¹²⁸. Полагаем, что нет необходимости комментировать подобную сентенцию известного организатора науки.

Вообще, отличительной чертой М. Н. Покровского являлось подчеркнуто неуважительное, а порой и враждебное отношение к ученым дореволюционной школы, видимо, диктовавшееся его сугубой «посвященностью» марксистско-диалектическому методу в науке, а скорее всего, приобщенностью к власти. Приведем выдержку из его письма от 15 июля 1928 года к заведующему Отделом научных учреждений СНК СССР Е. В. Воронову по поводу известного историка искусства и археолога А. А. Мацулевича: «Прилагаю разные слезницы по поводу некоего археолога и историка искусства Мацулевича, которого (ОГПУ, вероятно) не пускает за границу. Какое адское коварство затеял он осуществить — я не знаю, но если эта персона не нарочито вредная, а лишь неприятная, то я очень прошу его отпустить (так как Э. Майер хлопочет за него, а с ним важны хорошие отношения)»¹²⁹. И тон, и «профессиональная доверительность», и «мягкий юмор» напомнили нам документы секретной переписки двух старших жандармских офицеров.

Подчас правительственными органами Комакадемия рассматривалась в качестве главного эксперта, мнение которого могло играть решающую роль при рассмотрении тех или иных научно-организационных вопросов. Например, в конце лета 1928 года Отдел научных учреждений СНК СССР обратился к Комакадемии с просьбой дать свое заключение о возможности научной командировки академика Ф. И. Щербатского за границу. На сей раз ответ был дан положительный: «Секретариат Президиума Коммунистической академии сообщает, что Бюро Президиума Коммунистической академии признало возможным для академика Щербатского принять приглашение Научного общества им. Шопенгауэра во Франкфуртена-Майне и прочесть там доклад „Философия и религия“». К данному извещению прилагалась и оформленная по всем правилам делопроизводства выписка из протокола заседания Бюро Президиума Комакадемии от 8 сентября 1928 года¹³⁰.

А вот другой пример полной «взаимности» в отношениях власти с Комакадемией. Хорошо известно, какой сверхжесткий режим экономии существовал в выделении валютных средств на приобретение иностранной научной литературы, крайне необходимой отечественным ученым. Так, для всех 394 научных учреждений, подведомственных Главнауке Наркомпроса, в 1923–1924 годов было выделено государством на эти цели 175 тыс. золотых рублей¹³¹.

В то же время волевыми решениями ЦК ВКП (б) целевым назначением всегда выделялась валюта для удовлетворения потребностей Комакадемии: решением Секретариата ЦК от 18 февраля 1927 года было разрешено для Комакадемии за валюту «дополнительное приобретение на 1927 г. белоэмигрантских подписных изданий в количестве 28 наименований»¹³², в том числе журналов «Белое дело», «Русский военный вестник», «Вопросы школьной жизни», «Записки Института изучения России» и др.

Вскоре после утверждения правительством нового академического Устава (июнь 1927 года) Совнаркомом была создана специальная комиссия с целью изучения вопроса возможной реорганизации Академии наук СССР. На заседании СНК 21 июня 1927 года было принято следующее постановление.

1. Для всестороннего рассмотрения представленного Совнаркомом отчета о деятельности Академии наук за 1925–1926 годы, образовать комиссию в составе: В. П. Милютин, А. Н. Бах, Д. Б. Рязанов, М. Н. Покровский, О. С. Осадчий, А. Я. Вышинский, В. П. Волгин, Н. П. Горбунов.

2. Комиссии дать заключение. Срок — 2 месяца¹³³.

Большинство членов комиссии недоброжелательно относились к Академии наук СССР, ею были затребованы отчеты о деятельности академических учреждений за 1925–1926 годы, т. е. с момента получения статуса общесоюзного учреждения. Видимо, в правительственных органах утвердилось решение скорее покончить с остатками автономии Академии и ускорить процесс ее прямого и непосредственного подчинения власти. В одном из разговоров с непременным секретарем С. Ф. Ольденбургом летом 1928 года заведующий Отделом научных учреждений СНК Е. П. Воронов высказался об этом недвусмысленно: «Правительство 10 лет ждало и дало много авансов, но на 11-м году оно поступит с Академией наук по-своему. Академия наук не сумела понять и занять то положение, которое она должна занять в Советском государстве»¹³⁴.

Члены комиссии должны были дать свои заключения по основным планово-отчетным документам Академии. Для нас большой интерес представляет заключение одного из главных творцов «великого перелома» в отечественной науке — М. Н. Покров-

ского. Через весь этот документ красной нитью проходят две главные идеи¹³⁵:

1) идея абсолютной централизации руководства наукой; идеалом М. Н. Покровского является вертикаль с жестким подчинением, пронизывающая всю структуру науки, при главенствующей роли социального (партийного) заказа;

2) всемерное стремление уничтожить любыми средствами все «классово чуждое»; это прежде всего относилось к сложившимся в Академии наук СССР вековым традициям, формам и методам научной работы, нравственным и моральным ценностям и др.

Попытаемся критически рассмотреть и оценить некоторые положения из заключения М. Н. Покровского. Так, свое заявление об «оторванности» работы Академии от научной жизни страны он аргументировал следующим образом: «Достаточно сказать, что теперь Академия все же связалась с краеведческой работой (что почему-то слабо отразилось в отчете), что у нее возникли такие составные части, как КЕПС, КИПС и ОКИСАР, чтобы видеть, что из своего „блестящего одиночества“ Академия начинает выходить»¹³⁶. Здесь маститый историк пошел на прямую фальсификацию и подтасовку фактов. Было хорошо известно, что уже с декабря 1921 года Академия являлась главным и широко признанным организатором и руководителем краеведческого движения в стране. Академическая КЕПС, созданная в 1915 году, вела совершенно конкретную и результативную работу научно-прикладного характера по восстановлению народного хозяйства. Отметим только, что с 1917 по 1926 год КЕПС было издано около 200 различных наименований работ научно-прикладного характера общим объемом около 1 000 печатных листов и 82 номера журнала «Природа»¹³⁷. КИПС, организованная в начале 1917 года, успешно занималась исследованием малых народностей, населявших страну, составлением демографических карт; уникальный экспедиционный материал, собранный КИПС, до настоящего времени сохранил свою высокую научную актуальность.

Свой призыв к ликвидации Галереи Петра I, входившей в состав Музея антропологии и этнографии, известный историк-марксист обосновывал также «весьма убедительно». Он указал на то, что «благоговеино охранять реликвии одного из Романовых — не дело советских учреждений», и это может иметь смысл только «как

составная часть монархической пропаганды»¹³⁸. В данном случае мы уже имеем дело с особым видом «охранного» доноса, провокационный замысел автора очевиден. Пройдет несколько лет, и подобная оперативная информация будет «веским» основанием для ареста и высылки «в места не столь отдаленные».

У историка вызывает удивление и возмущение сентенция автора заключения о том, что «после немедленного расформирования Галереи Петра I реликвии можно с выгодой продать американским коллекционерам и получить в обмен целый трактор». И это написал профессиональный историк и ученик В. О. Ключевского!

Приведенная цитата отражает принципиальные отличия двух Академий — Академии наук СССР и Комакадемии. Дело в том, что несколько позднее, в мае 1928 года один из руководителей Академии наук СССР, С. Ф. Ольденбург, направит письма в ряд высших и центральных органов власти, в которых выразит протест против «продажи за границу различных музейных ценностей», составляющих, по его словам, «величайшее культурное достояние каждой страны». Сергей Федорович был твердо убежден, что подобные факты «слишком больно отражались на наших культурных интересах»¹³⁹. Впрочем, самого М. Н. Покровского трудно обвинить в непоследовательности и отсутствии четкости в определении своего отношения к Академии наук СССР. В 1928 году в одном из своих докладов он риторически вопрошал: «Чем Академия наук отличается от нас?» (т. е. от Комакадемии) — и твердо отвечивал: «Она отличается от нас тем, чем Советская власть отличается от Америки, Франции и Англии»¹⁴⁰.

Заключение М. Н. Покровского само по себе является интересным историческим источником своей эпохи. На наш взгляд, этот документ неплохо отражал уже устоявшееся отношение части партийных руководителей к культуре и науке. К сожалению, именно подобное отношение власти к науке являлось очень устойчивым в истории нашего общества, и преодолеть его пока не удалось.

Упомянутая комиссия тщательно проверила и финансовые документы Академии наук СССР. В фонде СНК СССР Государственного архива Российской Федерации хранится смета бюджетных ассигнований для учреждений Академии наук СССР на 1927–1928 годов с рукописными пометами членов комиссии. Наиболее негативное отношение к Академии проявляли А. Я. Вышинский и М. Н. Покровский,

стремившиеся как можно больше «ущемить» ее. Приведем некоторые из этих лаконичных, но вполне ясных замечаний¹⁴¹. Об академической Комиссии по учету и изучению научных сил (КУИНС) А. Я. Вышинский заметил: «Не имеет никакого права на существование вообще». А к этому времени КУИНС уже собрала со всей страны богатейший анкетный материал и осуществила издание справочников, которые до настоящего времени являются единственными в своем роде, уникальными информационными изданиями 1920–1930-х годов¹⁴². Назовем только два из них: «Научные учреждения Ленинграда» (1926) и «Научные работники СССР» (1928).

В отношении Кавказского историко-археологического института будущий главный государственный обвинитель оставил следующую запись: «Это не укладывается в русло той политики, которую ведет Советское Закавказье...» Далее, Постоянную историко-археологическую комиссию, председателем которой являлся С. Ф. Платонов, М. Н. Покровский обвинил ни много, ни мало в «децентрализации архивного дела в РСФСР», а Комиссия по истории знаний, возглавляемая В. И. Вернадским, признавалась «учреждением с совершенно неопределенными заданиями». Если учесть, что на эту комиссию Академией «испрашивалась» на год ничтожная сумма в размере 2 627 руб., то становится ясно, что «копья ломались» не из-за этих грошей, а «неистовые ревнители» преследователи другие, в большей степени политические цели¹⁴³.

Старания и усилия активных противников Академии наук СССР на данном этапе достигли лишь частичного успеха. Лишь некоторые рекомендации комиссии нашли свое отражение в постановлении СНК СССР от 13 марта 1928 года «О составе научных учреждений Академии наук СССР», подписанном А. И. Рыковым. Согласно этому постановлению, академическое издательство было объединено с книгохранилищем и с бюро по международному книгообмену. Академии также было предложено объединить Ботанический сад с Ботаническим музеем, а КУИНС — «передать свои работы секции ЦК работников просвещения или в Комиссию по изданию научных индексов при СНК СССР»¹⁴⁴.

В правительственных органах реорганизация Академии наук неразрывно связывалась с коренными изменениями ее персонального состава. Поэтому уже осенью в Комиссии СНК велось обсуждение возможных кандидатур для участия в выборах в Академию.

Комиссия должна была собрать письменные отзывы на 46 лиц, включенных ею в список возможных кандидатов. Список этот имел гриф «Секретно». Следует отметить, что уже тогда в него было включено то коммунистическое ядро, которое ввели в состав академиков в январе–феврале 1929 года: Н. И. Бухарин, И. М. Губкин, А. М. Деборин, Г. М. Кржижановский, Н. М. Лукин, М. Н. Покровский, Д. Б. Рязанов, В. М. Фриче и И. И. Скворцов-Степанов¹⁴⁵ (последний скончался до выборов). Заметим, что вся эта организационная работа происходила за несколько месяцев до официального оповещения об открытии вакансий в Академии наук и почти за год до начала избирательной кампании.

Активность властных структур все более возрастала: в марте 1929 года управляющий делами СНК Н. П. Горбунов в одной из бесед с С. Ф. Ольденбургом прямо указал на то, что «Москва желает видеть избранными Бухарина, Покровского, Рязанова, Кржижановского, Баха, Деборина и других коммунистов»¹⁴⁶.

В мае 1928 года Ленинградским обкомом ВКП (б) по поручению ЦК партии была утверждена секретная «Директива о проведении кампании по выборам кандидатов в члены Академии наук СССР», для этих целей была создана и специальная комиссия во главе с Б. П. Позерном. Партийным организациям учреждений, выдвигавших кандидатов, предписывалось принять все меры к привлечению, в порядке партийной дисциплины, к активной работе по этой кампании «партийных работников учреждений и в особенности партийных членов их руководящих органов»¹⁴⁷. Одновременно с этим в органах печати была организована провокационная кампания против Академии наук, с целью скомпрометировать ее в глазах общественного мнения. Приведем только одну выдержку из публикаций этого ряда, которая позволяет по достоинству оценить уровень «объективности» и «принципиальности» той газетной критики: «Низшие служащие Академии горько шутят: „Вернись Россия к монархическому строю, у Академии наук готово для нее правительство. Кроме коронованной головы, все чины имеются”»¹⁴⁸.

Наконец, в начале августа 1928 года Центральным комитетам партии союзных республик, крайкомам и обкомам партии была направлена директива ЦК ВКП (б) «О негласном вмешательстве в кампанию по выборам в Академию наук СССР». Директива имела гриф «Секретно» и напоминала секретный циркуляр Департамента

полиции губернским жандармским управлениям¹⁴⁹. Позволим себе процитировать один абзац этого «замечательного» документа: «В целях сохранения конспиративности решительно рекомендуется избегать при проведении этой работы переписки, широких инструктирований и т. п., ограничиваясь личными переговорами и указаниями». К директиве прилагались и списки кандидатов за № 1, где находились фамилии кандидатов, которые «должны быть активно поддержаны», и за № 2, где были фамилии тех, против которых «необходимо основательно выступить против».

Такова была ситуация в преддверии выборов в Академию наук. Выборы состоялись на Общем собрании 12 января 1929 года. Среди вновь избранных академиков оказались и представители коммунистического ядра, внедряемого властью в Академию: Н. И. Бухарин, И. М. Губкин, Г. М. Кржижановский, М. Н. Покровский, Д. Б. Рязанов. С первой попытки не удалось пройти А. М. Деборину, Н. М. Лукину и В. М. Фриче, они оказались забаллотированы.

Вопрос о поведении «мятежной» Академии наук в начале февраля 1929 года обсуждался на специальном заседании Совнаркома. Наиболее стойкие большевики — В. В. Куйбышев и Г. И. Петровский — выступили с требованием ликвидировать Академию; в частности, В. В. Куйбышев заявил, что против Академии надо действовать «огнем и мечом»¹⁵⁰. Газета «Известия» в связи с этим опубликовала статью А. В. Луначарского с угрозами в адрес Академии. Было принято решение, в нарушение академического Устава, произвести перебаллотировку с участием вновь избранных академиков. На состоявшемся 13 февраля 1929 года экстраординарном Общем собрании трое провалившихся ранее кандидатов наконец стали академиками. В составе Академии была тем самым образована своеобразная фракция коммунистов-академиков, которая и стала действенным рычагом по руководству Академией в руках ЦК ВКП (б).

В. И. Вернадский в своем письме к сыну от 16 июля 1929 года характеризовал изменения, произошедшие в Академии наук, следующим образом: «Академики-коммунисты введены в среду Академии. Это был тоже долгий напор партии, в конце концов, прошедший под чрезвычайным давлением... Ясно было, что положение было совершенно неустойчиво: быть или не быть Академии. Так вопрос ставился и решался. Победило первое течение... Однако в жизни

нашей страны и для нашей культуры значение работы Академии в эту эпоху огромного брожения — о котором тоже нельзя сказать, куда оно идет и куда приведет — значение работы Академии так велико, что сохранение этого центра позволяет принести огромные жертвы»¹⁵¹.

Следующий этап реорганизации Академии наук, проводимой сверху, носил уже репрессивный характер. В соответствии с решением Ленинградского обкома ВКП (б) от 1 июля 1929 года в Академии начала работу специальная комиссия под председательством члена коллегии Наркомата РКИ Ю. П. Фигатнера по проведению чистки среди сотрудников. В Академии началось тяжелое время выявления «чуждых и вредных элементов», публичного шельмования, допросов и доносов. Всего в Академии было уволено с работы из 960 штатных сотрудников 128 человек, а из 830 сверхштатных сотрудников — 520 человек¹⁵². Знаменательным стал тот факт, что на последнем в 1929 году Общем собрании, по предложению исполнявшего обязанности неперменного секретаря В. А. Комарова, было решено направить от имени Академии приветствие И. В. Сталину «по случаю его 50-летия»¹⁵³.

Вскоре начался один из самых драматичных периодов в истории нашей Академии наук. В 1929–1931 годах органами ГПУ был сфабрикован политический процесс, жертвами которого стала большая группа отечественных ученых, в том числе академики С. Ф. Платонов, Е. В. Тарле, Н. П. Лихачев, М. К. Любавский. Первые аресты начались в октябре 1929 года, а к началу декабря 1930 года число подследственных по «Академическому делу» превышало уже 100 человек. Страх, ложь и унижение на долгие годы поселились в стенах Академии наук СССР.

Сегодня стало очевидно, что организация и широкомасштабное проведение сталинского террора против науки и ученых являлось не просто подавлением любых проявлений (а позднее и самой возможности проявления) критики волюнтаристской политики в экономической, социальной и культурной областях жизни советского общества. Это была составная часть хорошо организованной и целенаправленной деятельности сталинского руководства по всемерному упрочению тоталитарного режима, по ликвидации отечественной интеллигенции.

«Академическое дело» являлось только составной частью хорошо организованной, масштабной и целенаправленной деятельности сталинского руководства СССР по советизации отечественной интеллигенции, закреплению принципа «партийности» науки, по всемерной идеологизации жизни советского общества.

В начале 1930-х годов действенным рычагом для проведения этой политики, кроме известных властных структур, стали еще и некоторые общественные научные организации и, прежде всего, Общество воинствующих материалистов-диалектиков (ОВМД) и Всесоюзная Ассоциация работников науки и техники для содействия социалистическому строительству (ВАРНТИСО).

После нескольких громких политических процессов, сфабрикованных органами ГПУ, Советская власть решила всемерно углубить, придать общегосударственный размах тенденциям формирования в стране тоталитарного режима, придать этим тенденциям «необратимый» характер. К решению этих задач и были привлечены общественные организации ОВМД и ВАРНИТСО.

Следует отметить то горькое обстоятельство, что актив этих общественных «самодельных» организаций состоял из представителей отечественной научной интеллигенции, и они с энтузиазмом и энергией, достойными лучшего применения, внесли свой достаточно весомый вклад в решение перечисленных выше масштабных задач.

Общество воинствующих материалистов-диалектиков (ОВМД) было организовано в апреле 1929 года активистами Института красной профессуры — «сталинскими икапистами». Оно образовалось из слияния двух существовавших до этого обществ: «Воинствующих материалистов» (его руководителем был А. М. Деборин) и «Материалистических друзей гегелевской диалектики»¹⁵⁴.

Данное организационное новшество в своей реальности означало ликвидацию перечисленных обществ и создание нового — ОВМД, уже не с научными, а с чисто идеологическими целями. На первом же всесоюзном совещании ОВМД главным пунктом повестки дня был поставлен вопрос: «Положение на идеологическом фронте и задачи общества»¹⁵⁵.

Активистами общества проводилась энергичная и целенаправленная работа по организации районных отделений ОВМД и ячеек в отдельных учреждениях и организациях. Так, в отчете

Ленинградского областного отделения ОВМД, направленного в директивные органы в феврале 1932 года, указывалось, что в научных учреждениях, вузах и втузах было организовано 94 ячейки, на предприятиях — 27 ячеек, в сельской местности — 16 ячеек и т. д.¹⁵⁶ С сентября 1931 года по январь 1932 года активистами общества было проведено в ячейках 214 докладов и лекций.

Руководством общества всячески декларировалась именно его воинственный характер, абсолютная непримиримость в борьбе за «чистоту» марксистской методологии в науке. Так, в основном докладе, с которым выступил на конференции общества в мае 1930 года один из его руководителей Г. С. Тымянский, подчеркивалось, что «год работы ОВМД — есть год классовой борьбы на теоретическом фронте», и ставились новые задачи по расширению этой борьбы¹⁵⁷.

Одним из главных результатов деятельности активистов ОВМД была развязанная мощная компания конфронтации и имитации «обострения классовой борьбы» в научных и учебных заведениях СССР, «фронты» были открыты, по сути, во всех отраслях науки.

О теоретических, научных основах, на которых зиждилась деятельность ОВМД, дает представление текст доклада, с которым в марте 1931 года на II Всесоюзной конференции общества выступил один из его лидеров — М. Б. Митин. Подводя предварительные итоги борьбы на «философском фронте», М. Б. Митин подчеркнул: «Товарищ Сталин дал замечательную установку, высказываясь по всем спорным проблемам»¹⁵⁸. Таким образом И. В. Сталин упоминался в каждом из пяти первых предложений этого доклада.

Вообще доклады и статьи руководителей ОВМД по форме во многом напоминали заклинания жрецов, а содержание их свидетельствовало о том, что современники имели дело с ярким примером беспринципной, безнравственной и аморальной конъюнктуры.

Во временном Уставе ОВМД, принятом в июне 1931 года, указывалось, что оно «является пролетарской массовой организацией, которая объединяет передовых сознательных участников социалистического строительства, ведущих, на основе генеральной линии Коммунистической партии, борьбу за теоретические основы марксизма... против всякого рода ревизионизма и оппортунизма»¹⁵⁹.

В «Уставе» был обозначен и масштаб задач, стоящих перед обществом — «Район деятельности ОВМД определяется территорией СССР».

Большой интерес у историка вызывает последний пункт «Устава», который гласил, что общество «организуется при Всесоюзной Коммунистической академии и работает под ее общим руководством».

Таким образом, ОВМД, проводя грандиозную по своим масштабам критику-травлю научных работников, «прокладывало дорогу» будущим массовым репрессиям против советской интеллигенции. Общество, по минованию в нем надобности, было властью ликвидировано в марте 1934 года.

Всесоюзная ассоциация работников науки и техники для содействия социалистическому строительству (ВАРНИТСО) была организационно оформлена на своей учредительной конференции в мае 1928 года. В инициативную группу по созданию Ассоциации входили: А. Н. Бах, В. М. Свердлов, Б. И. Збарский, Ф. Н. Петров, А. А. Ярилов — в то время ведущие научные работники Научно-Технического управления ВСНХ СССР. Председателем ВАРНИТСО на этой же конференции был избран известный ученый — биохимик А. Н. Бах, в 1917 году возвратившийся в Россию после 32-летней эмиграции в ореоле славы старого народовольца. В январе 1929 года он был избран академиком АН СССР.

В момент своей организации ВАРНИТСО декларативно объявила о том, что является только творческой, самостоятельной организацией. Но уже вскоре, по согласованию с соответствующими властными структурами, Ассоциация взяла на себя бюрократические, директивные функции и превратилась в активно развивающуюся силу. Прежде всего, объектом резкой критики и нападков со стороны ВАРНИТСО стали представители «прежней науки», и в их числе руководящий состав АН СССР.

В 1930 году начал издаваться печатный орган Ассоциации — журнал «ВАРНИТСО». В мае 1931 года произошло слияние этого журнала с журналом «Научный работник», являвшимся печатным органом Секции научных работников профсоюза работников просвещения. Новый журнал стал называться «Фронт науки и техники», выходил он до 1938 года.

На страницах этих журналов Ассоциация выражала свое полное одобрение сталинских репрессий против отечественной интеллигенции, насаждалась идеология культа личности, культивировались разоблачение и доносительство в среде научных работников.

Так, в сентябре 1930 года была опубликована статья одного из активистов ВАРНИТСО М. Нежина под названием «Лицо врага». В начале статьи указывалось, что «ОГПУ раскрыт ряд антисоветских политических и вредительских организаций... Активные враги пролетарского государства... старались войти в ВАРНИТСО и в партию»¹⁶⁰. Далее уже следовало и разоблачение конкретных врагов: «Таковыми предателями, вошедшими в ВАРНИТСО с целью маскировки и одновременно со шпионскими и провокаторскими целями, являются проф. А. В. Чайнов, инж. С. Д. Шеин, проф. А. И. Дмитриев (директор Госуд. Лугового института) и ряд других».

Хорошо отражает политическую и «гражданскую» позицию редколлегии журнала «Фронт науки и техники» опубликованное в нем в мае 1931 года «Обращение ко всем работникам науки и техники». Оно заканчивалось следующим пламенным призывом: «На выкорчевывание корней буржуазной идеологии в нашей стране, на вскрытие “научного” технического вредительства, за новую, социалистическую науку и технику, в борьбе на два фронта против “правых” и “левых” — шире фронт науки и техники»¹⁶¹. Заметим, что редколлегию журнала в это время возглавляли два ответственных редактора — академики А. Н. Бах и Н. Я. Марр.

В конце 1930 года первичная организация ВАРНИТСО была создана и в АН СССР. Первое организационное собрание коллектива ВАРНИТСО при АН СССР состоялось 16 декабря 1930 года. Одной из главных задач коллектива стало «выкорчевывание в Академии наук остатков вредительства»¹⁶².

В марте 1931 года во все академические учреждения и структуры была направлена специальная «Резолюция коллектива ВАРНИТСО при АН СССР». В ней, в частности, говорилось о том, что «Коллектив ВАРНИТСО АН СССР приветствует приговор, вынесенный Верховным судом СССР в отношении контрреволюционной организации меньшевиков, российского отряда социал-фашистского II Интернационала»¹⁶³. Резолюцию украшал ряд

ярких политических лозунгов, сформулированных в строгом соответствии с той «великой и переломной эпохой», которую переживала страна. Приведем один из них: «Рабочий класс СССР на своем пути сметает всех врагов пролетарской диктатуры, перекрывает энтузиазмом труда все расчеты классового врага и разгромленных им буржуазно-помещичьей Промпартии Рамзиных и Рябушинских, кулацко-эсеровской партии Кондратьева и Чаянова и партии меньшевиков-интервентов». «Резолюцию» подписали активисты коллектива ВАРНИТСО, и в их числе академики А. А. Борисяк, С. А. Зернов-Шидловский, С. Ф. Ольденбург, А. С. Орлов, А. Н. Самойлович.

Определенное представление о характере и методах деятельности коллектива ВАРНИТСО при АН СССР дает его «Отчет о работе за период с 1 января по 1 мая 1932 года»¹⁶⁴. Приведем некоторые конкретные сведения из этого документа.

В пункте 3-м «Отчета» указывалось на то, что «во всех ячейках активно ведется работа по овладению марксистско-ленинской методологией научными сотрудниками» (к этому времени ячейки ВАРНИТСО были созданы практически во всех академических учреждениях).

В 4-м пункте говорилось «о постановке ряда самокритических докладов», в которых были «отмечены формалистические и другие антиленинские ошибки» работников АН СССР.

В 5-м пункте рассказывалось о создании «особой бригады ВАРНИТСО» для проверки «осуществления 6-ти указаний товарища Сталина... по реализации хозрасчета и борьбы с уравниловкой».

Активисты ВАРНИТСО — эти «неистовые ревнители», проявляли порой такой энтузиазм и инициативу, которые уже «били через край» в своем стремлении выйти на самые передовые рубежи «борьбы на два фронта». Так, в феврале 1931 года Президиумом коллектива ВАРНИТСО при АН СССР была организована и проведена чистка уже самого коллектива ВАРНИТСО.

21 февраля 1931 года на заседании Президиума ВАРНИТСО аспирантом Л. Берлиным был сделан доклад «О предварительных выводах Комиссии по чистке коллектива ВАРНИТСО»¹⁶⁵. В докладе, в частности, отмечалось, что «товарища С. Ф. Ольденбурга — считать проверенным», а вот «товарища В. Л. Комарова — считать проверенным», но указать ему на его «политически невыдержанную оценку поступка академика А. П. Карпинского». Здесь имелось

в виду выступление А. П. Карпинского 2-го февраля 1931 года на Чрезвычайном общем собрании АН СССР в защиту академиков С. Ф. Платонова, Е. В. Тарле, Н. П. Лихачева, К. М. Любавского, против которых органами ГПУ было сфабриковано политическое дело.

Вообще, данный архивный документ оставляет у читателя впечатление гротескной картины, какой-то «высокой свободы», будто бы воцарившейся в это время в стенах Академии наук, когда аспирант в своем докладе мог свободно критиковать сразу двух ее президентов: существующего — А. П. Карпинского и будущего — В. Л. Комарова. Правда, возникает невольное ощущение, что все-таки кто-то стоял за спиной «отважного» аспиранта.

Изучение документов ВАРНИТСО свидетельствует о том, что размах и целенаправленность ее деятельности постоянно возрастали. Так, 20 апреля 1934 года председателем Ассоциации академиком А. Н. Бахом было направлено Инструктивное письмо Центрального бюро ВАРНИТСО республиканским обществам, областным и районным отделениями¹⁶⁶.

Постараемся передать лейтмотив этого поразительного документального памятника своей эпохи. В нем, в частности, указывалось, что «обнаруженные за последнее время факты вредительства показывают, что и в среде научных работников и специалистов еще остались заклятые враги рабочего класса и осуществляемого им социалистического строительства». Далее инструкция следующим образом формулировала главное требование, «стоящее на повестке дня» Ассоциации — «отделения и коллективы ВАРНИТСО должны усилить бдительность и требовать ее от каждого члена ассоциации, все время разоблачать классового врага и предупреждать его контрреволюционные махинации».

У историка есть достаточно веские основания полагать, что подобные лозунги и призывы вели к усилению террора в СССР, а деятельность ВАРНИТСО можно считать прелюдией будущих массовых репрессий против отечественной интеллигенции.

Именно в тот момент истории, когда маховик террора в СССР достиг своей наивысшей точки, в 1938 году ВАРНИТСО, по минувании надобности, была властью ликвидирована, а ее журнал «Фронт науки и техники» прекратил свое существование.

Парадоксальность исторической ситуации состояла в том, что массовые репрессии обрушились и на Коммунистическую

академию. В 1920-х — первой половине 1930-х годов Комакадемия многими руководителями партии и правительства осознавалась как вершина научного сообщества СССР, как главное мерило теоретической правильности и идеологической направленности организации научной работы. Выше уже упоминалось, что, согласно своему Уставу, «Общество воинствующих материалистов-диалектиков» работало «под общим руководством» Комакадемии. В свою очередь, руководители Комакадемии не скрывали своего негативного отношения к АН СССР, считая ее «классово чуждой» организацией.

Однако, одним из последствий реализации известного заявления И. В. Сталина о том, что «теория отстала от практики», стало и закрытие в 1936 году Коммунистической академии, и разгром ее кадров. Учреждения Ленинградского отделения Комакадемии подверглись репрессиям почти поголовно.

Из имеющегося в распоряжении исследователей достаточно обширного фактического материала, мы приведем для примера лишь выборочные сведения о десяти профессорах Ленинградского отделения Комакадемии, подвергшихся репрессиям:

Горштейн Т. Н., институт философии;
Кашарский Г. В., директор института экономики;
Литошенко Л. Н., институт экономики;
Луппол И. К., институт философии;
Макаров Н. П., институт экономики;
Райнов Т. И., библиотека Комакадемии;
Серебров И. С., институт философии;
Серебряков В. М., институт экономики;
Тулайков Н. М., институт экономики;
Янковский Р. А., институт философии и т. д.

На наш взгляд, причины подобной расправы сталинского руководства с абсолютно преданной ему Комакадемией следует искать в самом характере ее основной деятельности. Дело состояло в том, что ведущие научные работники Комакадемии, профессора, не без оснований претендовали на роль не только толкователей теории марксизма-ленинизма, но и не прекращали попыток творчески осмысливать и развивать эту теорию. Например, активно велись дискуссии на страницах журнала «Проблемы марксизма». Видимо, далеко не все из них вовремя

поняли, что к середине 1930-х годов в СССР остался всего один-единственный толкователь марксизма, а особенно той его части, которую именовали «ленинизм». Этому же кремлевскому теоретику принадлежало теперь и полное монопольное право творчески развивать «ленинизм», применительно к конкретным условиям строительства социализма «в одной отдельно взятой стране». Все остальные ученые, приобщенные к данной теории и постигшие ее «тайнства», должны были теперь играть роль простых статистов и в меру своих способностей только пропагандировать и славить установки и «откровения» «хозяина». Известно, что в условиях «обострения классово-борьбы» подобные ошибки советским людям часто стоили потери свободы, а то и самой жизни.

Кроме того, внутри самой Коммунистической партии начался весьма похожий по своей сути процесс, когда лично И. В. Сталиным было организовано и неуклонно проводилось уничтожение интеллектуального ядра партии. Генеральный секретарь ЦК КПСС считал этих своих товарищей по партии одной из главных помех на пути установления абсолютного культа личности. Назовем только некоторых представителей этой части партийного руководства: Н. И. Бухарин, Н. П. Горбунов, В. П. Милютин, Л. Б. Каменев, А. И. Рыков, Д. Б. Рязанов и др.

Внутри самой Академии наук в довольно короткие сроки произошли большие изменения, многие вековые традиции были преданы забвению, появились новые, созвучные переживаемой «великой эпохе», формы и методы деятельности. В начале февраля 1931 года Общим собранием единогласно были исключены из числа действительных членов академики С. Ф. Платонов, Е. В. Тарле, Н. П. Лихачев, М. К. Любавский — «за участие в контрреволюционном заговоре»¹⁶⁷. Месяцем позднее Общим собранием из числа академиков был исключен Д. Б. Рязанов — «по факту содействия меньшевикам-интернационалистам»¹⁶⁸. Казалось бы, какое отношение к науке могли иметь «меньшевики-интернационалисты»?!

В обоих отделениях Академии наук в спешном порядке создавались группы ученых для регулярного посещения «крупнейших предприятий и крупных культурно-просветительных учреждений Ленинграда». Например, в конце июня 1931 года академик А. В. Луначарский доложил Общему собранию о результатах «посещения бригадой Академии наук Электроставода»¹⁶⁹.

В рамках специально разработанного «Общего тематического плана работ Академии наук» также создавались группы ученых, перед которыми ставились наиболее актуальные научные проблемы¹⁷⁰. Так, перед группой историков, социологов и экономистов ставились задачи, «связанные с культурной революцией», а также проведением «работы по критике немарксистских теорий под углом зрения диалектического материализма». «Группе языка и литературы» было предложено взять «дополнительную тему по изучению литературного воздействия на народно-хозяйственную жизнь» и т. д.

У Академии наук появились те формы общения с властью, которые сохранились потом на долгие годы. Так, на торжественной сессии Академии наук СССР, проходившей в ноябре 1932 года в связи с 15-летним юбилеем Октябрьской революции, было принято обращение «Ко всем ученым мира, ко всем работникам науки и техники»¹⁷¹. Заканчивался документ в полном и строгом соответствии своим времени и месту: «Заверяем Центральный Комитет партии, ее руководителя тов. Сталина, Советское правительство в том, что не отступим ни на один шаг от решения задач, связанных со всей героической эпохой великих работ социализма».

Примечания

1. Отчет о деятельности Императорской Академии наук за 1916 год. Пг., 1916. С. 323.
2. Отчет о деятельности Российской Академии наук (далее — РАН) за 1917 год. Пг., 1917. С. 311.
3. Там же. С. 311–312. Обе упомянутые академические комиссии весьма результативно продолжали свою деятельность на протяжении 1920-х годов.
4. Отчет о деятельности Императорской Академии наук за 1916 год. С. 379.
5. Отчет о деятельности РАН за 1917 год. С. 19–32.
6. От редакции // Известия Всероссийского учительского союза. 1917. № 12. С. 8.
7. Цит. по: *Соболев В. С.* Уточним факты // Вестник АН СССР. 1990. № 8. С. 147.
8. *Набоков В. Д.* Временное правительство (Воспоминания). М., 1924. С. 108.

9. Санкт-Петербургский филиал Архива РАН (далее — ПФА РАН). Ф. 1. Оп. 1 а-1917. Д. 164. Л. 148–148 об.
10. Там же. Л. 149–149 об.
11. Там же. Л. 169–169 об.
12. *Стеклов В. А.* Переписка с отечественными математиками. Воспоминания. Л., 1991. С. 287.
13. ПФА РАН. Ф. 1. Оп. 1 а-1918. Д. 165. Л. 23 об.
14. Там же. Л. 31–31 об.
15. Документы по истории Академии наук СССР. 1917–1925. Л. 1986. С. 31–36.
16. Там же. С. 36.
17. Президент здесь имел в виду опыт деятельности КЕПС с 1915 года.
18. Документы по истории Академии наук СССР. 1917–1925. С. 39.
19. ПФА РАН. Ф. 1. Оп. 1 а-1918. Д. 165. Л. 71 об.
20. Декреты Советской власти. М., 1959. Т. 2. С. 94.
21. Там же. С. 615.
22. Документы по истории Академии наук СССР. 1917–1925. С. 85.
23. Отчет о деятельности РАН за 1918 год. Пг., 1919. С. 6.
24. Там же. С. 16.
25. Культурное строительство в РСФСР. 1917–1927. М., 1983. Т. 1. С. 333.
26. Вестник Социалистической академии. 1922. № 1. С. 8–9.
27. ПФА РАН. Ф. 1. Оп. 1 а-1919. Д. 166. Л. 25 об.–26.
28. Там же.
29. Там же. Л. 77 об.–78.
30. Там же.
31. Там же. Л. 78.
32. Цит. по: Ленин и Академия наук. М., 1969. С. 61.
33. Цит. по: Там же. С. 62.
34. Там же. С. 63.
35. ПФА РАН. Ф. 1. Оп. 1 а-1919. Д. 166. Л. 93.
36. Там же. Л. 95–97.
37. Там же. Оп. 1 а-1920. Д. 168. Л. 58 об.
38. *Чуковский К.* Дневник. 1918–1923 // Новый мир. 1990. № 7. С. 157.
39. ПФА РАН. Ф. 1. Оп. 1 а-1920. Д. 168. Л. 17 об.
40. Организация науки в первые годы Советской власти (1917–1925). 1968. С. 339–340.
41. Ленин и Академия наук. С. 64.
42. ПФА РАН. Ф. 1. Оп. 1 а-1920. Д. 168. Л. 17 об.–18.
43. Документы по истории Академии наук СССР. 1917–1925. С. 169–170.
44. Ленин и Академия наук. С. 74.
45. Из переписки А. М. Горького // Известия ЦК КПСС. 1989. № 5. С. 215.
46. Наука и ее работники. 1921. № 2. С. 7–9. В документах Архива Гумеровского института нам удалось выявить конкретные данные

- о размерах академического пайка, выдаваемого Петрокубу в конце 1920 году. Ученому на месяц выдавался следующий набор продуктов (в фунтах): мука ржаная — 35, крупа — 12, горох — 6, сахар — 2,5, мясо — 15, рыба — 5, жиры — 4, соль — 2, мыло — 1, табак — 0,75, чай или кофе — 0,5; спички — 5 кор. (Архив Гуверовского института. Коллекция Ф. Гольдера. Бокс 18. Д. 40).
47. Из переписки А. М. Горького // Известия ЦК КПСС. 1989. № 5. С. 217.
  48. Бахметьевский архив Колумбийского университета. Фонд Г. В. Вернадского. Бокс 11. Письмо от 21.07.21.
  49. Архив Гуверовского института. Коллекция АРА. Бокс 23.
  50. Там же. Бокс 67.
  51. Там же.
  52. Там же. Бокс 23.
  53. ПФА РАН. Ф. 1. Оп. 1 а-1920. Д. 168. Л. 52.
  54. Культурное строительство в РСФСР. 1917–1927 гг. Т. 1. Ч. 1. С. 346.
  55. Назовем имена академиков, ушедших из жизни за первые три года революции: В. В. Радлов, Я. И. Смирнов, А. С. Фаминцын, А. С. Лаппо-Данилевский, Е. С. Федоров, Б. А. Тураев, А. А. Шахматов, И. С. Пальмов, А. М. Ляпунов, В. В. Заленский, М. А. Рыкачев, М. А. Дьяконов.
  56. Например, по состоянию на 1 января 1919 года в Академии было «в наличии» 42 академика.
  57. Personalia. Скончавшиеся в течение последних трех лет // Наука и ее работники. 1921. № 3. С. 34–38.
  58. ПФА РАН. Ф. 1. Оп. 1 а-1921. Д. 169. Л. 32.
  59. Ленин и Академия наук. С. 103–104.
  60. ПФА РАН. Ф. 1. Оп. 1 а-1922. Д. 170. Ос. § 77.
  61. Там же. Д. 171. Ос. § 135.
  62. Государственный архив Российской Федерации (далее — ГАРФ). Ф. 2307. Оп. 2. Д. 66. Л. 134.
  63. ГАРФ. Ф. 3316. Оп. 20. Д. 683. Л. 6.
  64. *Валентинов Н. [Вольский Н.]*. Новая экономическая политика и кризис партии после смерти Ленина. М., 1991. С. 68–69.
  65. Культурное строительство в РСФСР. 1917–1927. М., 1984. Т. 1. Ч. 2. С. 35.
  66. ГАРФ. Ф. 2306. Оп. 69. Д. 467. Л. 14–14 об.
  67. Там же. Л. 14–15.
  68. Бахметьевский архив Колумбийского университета. Фонд Г. В. Вернадского. Бокс 1. Письмо от 12.07.21.
  69. Культурное строительство в РСФСР. 1917–1927. Т. 1. Ч. 2. С. 15.
  70. *Стеклов В. А.* Переписка с отечественными математиками. Воспоминания. С. 294.
  71. ПФА РАН. Ф. 1. Оп. 1 а-1922. Д. 170. Л. 27 об.
  72. Там же.

73. Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и крестьянского правительства РСФСР (далее — СУ РСФСР). 1922. № 42. Ст. 493.
74. Документы по истории Академии наук СССР. 1917–1925. С. 235.
75. ПФА РАН. Ф. 1. Оп. 1–1923. Д. 1. Л. 136.
76. Там же. Оп. 1–1920. Д. 1. Л. 279.
77. Там же. Оп. 1–1924. Д. 1. Л. 167.
78. ГАРФ. Ф. 2307. Оп. 2. Д. 53. Л. 11 об.
79. ПФА РАН. Ф. 1. Оп. 1–1924. Д. 1. Л. 298–299.
80. Документы по истории Академии наук СССР. 1917–1925. С. 317.
81. СУ РСФСР. 1924. № 77. Ст. 776.
82. Документы по истории Академии наук СССР. 1917–1925. С. 317.
83. Документы по истории Академии наук СССР. 1926–1934. Л., 1988. С. 96.
84. Академическое дело 1929–1931 гг. СПб., 1993. Вып. 1. С. XII.
85. Там же. С. XVI.
86. Архив Берлинско-Бранденбургской Академии наук. Р. II–XII. Д. 24. 255–261.
87. ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 37. Д. 62. Л. 19–20.
88. Там же.
89. Пять «вольных» писем В. И. Вернадского сыну // Минувшее. 1989. № 7. С. 434.
90. Академическое дело. С. XVI–XVII.
91. ПФА РАН. Ф. 1. Оп. 1 а-1923. Д. 172. § 192.
92. Документы по истории Академии наук СССР. 1917–1925. С. 305.
93. Уставы Академии наук СССР. М., 1974. С. 120.
94. Постановлением СНК СССР от 3 апреля 1928 года число действительных членов Академии наук было увеличено уже до 85 чел. (СУ РСФСР. № 22. Ст. 197).
95. Уставы Академии наук СССР. С. 123.
96. Ленин В. И. Полное собрание сочинений. Т. 45. С. 364.
97. Ходоровский И. И. Основные черты современного состояния народного просвещения в РСФСР // Красная новь. 1923. Кн. 7. С. 140–144.
98. Архив Гуверовского института. Коллекция Ф. Гольдера. Бокс 18. Д. 40.
99. Культурное строительство в РСФСР. М., 1985. Т. 2. Ч. 1. С. 76.
100. Ходоровский И. И. Основные черты... С. 140.
101. Королев А. Наши просвещенческие дела // Октябрь мысли. 1924. № 3–4. С. 24.
102. ГАРФ. Ф. 2307. Оп. 2. Д. 53. Л. 7.
103. Бахметьевский архив Колумбийского университета. Фонд Г. В. Вернадского. Бокс 11. Письмо от 16.04.23.
104. XI Всероссийский съезд Советов. Стенографический отчет. М., 1924. С. 178–194.

105. По некоторым источникам, эта цифра являлась большей и составляла до 23 млн. См.: Народное просвещение. 1924. № 1. С. 3–5.
106. В этой связи можно вспомнить факт, имевший место в первые годы перестройки на одном из съездов народных депутатов. В момент утверждения нового министра культуры назначаемый тщетно просил депутатов задать ему хотя бы один вопрос, но, увы, их у присутствующих в зале не нашлось.
107. В журнальной информации об этом событии Н. К. Крупская упоминалась в качестве «супруги господина Ульянова».
108. Московские встречи ВУС и комиссариатских представителей // Известия Всероссийского учительского союза. 1918. № 5. С. 5.
109. *Рейснер М. А.* Наука, университет и профессора // Вестник жизни. 1918. № 2. С. 90.
110. *Луначарский А. В.* Смена вех интеллигентской общественности // Культура и жизнь. 1922. № 1. С. 5.
111. *Михин Е. В.* Классовая борьба и научные работники // Научный работник. 1930. № 56. С. 17.
112. Культурное строительство в РСФСР. 1917–1927. Т. 1. Ч. 2. С. 26–27.
113. *Перченко Ф. Ф.* Академия наук на «великом переломе» // Звенья. М., 1991. Вып. 1. С. 165.
114. *Стеклов В. А.* Переписка с отечественными математиками. Воспоминания. С. 293.
115. ПФА РАН. Ф. 2. Оп. 1–1928. Д. 127. Л. 19. Институт состоял при Лиге науки, а отношение Советского правительства к этой международной организации было «прохладным».
116. Там же. Л. 25.
117. Окончательное разрешение данная «проблема» получила на заседании Комиссии СНК СССР по содействию работам АН СССР 16 декабря 1927 года Комиссия постановила: «Ввиду того, что характер и направление работ состоящего при Лиге науки Международного института интеллектуального сотрудничества еще окончательно не выяснены, считать участие научных учреждений СССР в работах этого института в настоящее время преждевременным» (ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 37. Д. 61. Л. 94).
118. ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 37. Д. 61. Л. 26.
119. Там же. Л. 83.
120. ПФА РАН. Ф. 800. Оп. 2. Д. 33. Л. 127–128 об.
121. Там же. Д. 34. Л. 162–162 об.
122. Культурное строительство в РСФСР. 1917–1927. Т. 1. Ч. 2. С. 220–221.
123. Там же.
124. *Перченко Ф. Ф.* Академия наук на «великом переломе». С. 165.
125. *Покровский М. Н.* Десять лет Коммунистической Академии // Вестник Коммунистической Академии. 1928. Кн. XXVIII. С. 17.

126. ГАРФ. Ф. 3316. Оп. 20. Д. 100. Л. 32. К 1936 году, т. е. к началу мощных сталинских репрессий против Коммунистической академии и ее институтов, число ее академиков составляло около 100 человек (Там же). Так, учреждения Ленинградского отделения Коммунистической академии подверглись репрессиям почти поголовно.
127. Там же. Л. 17.
128. *Покровский М. Н.* Десять лет Коммунистической Академии. С. 18–19.
129. ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 37. Д. 61. Л. 171. Э. Майер в то время — один из руководителей немецкой науки.
130. Там же. Л. 191–192.
131. Там же. Ф. 2306. Оп. 69. Д. 467. Л. 16, 23.
132. Российский центр хранения и изучения документов новейшей истории. Ф. 17. Оп. 113. Д. 266. Л. 11–12.
133. ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 87. Д. 1329. Л. 3.
134. Цит. по: *Покровский М. Н.* К отчету о деятельности Академии наук 1926 г. // Звенья. М.; СПб., 1992. Вып. 2. С. 580–581.
135. Там же. С. 582.
136. Там же. С. 584.
137. *Соболев В. С.* По поручению В. И. Ленина (из истории издательской деятельности Академии наук в первые годы революции) // Книга. М., 1990. Сб. 60. С. 174–175.
138. *Покровский М. Н.* К отчету о деятельности Академии наук за 1926 г. С. 585.
139. *Соболев В. С.* Слово в защиту культуры // Вестник АН СССР. 1990. № 10. С. 116–117.
140. Вестник Коммунистической академии. 1928. Кн. XVIII. С. 18–19.
141. ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 37. Д. 60. Л. 14–19.
142. *Соболев В. С.* Учет кадров исследовательских учреждений и вузов (1918–1923) // Вестник АН СССР. 1989. № 11. С. 87–91.
143. В конечном счете после утверждения сметы Комиссии по истории знаний было «отпущено» 750 руб. на год.
144. ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 37. Д. 60. Л. 27–28. Последнее предложение правительства выполнено не было, и КУИНС оставалась в составе Академии наук СССР до июня 1934 г.
145. *Покровский М. Н.* К отчету... С. 598–599.
146. *Перченко Ф. Ф.* Академия наук на «великом переломе». С. 175.
147. Академическое дело. С. XVIII–XIX.
148. Цит. по: *Перченко Ф. Ф.* Академия наук на «великом переломе». С. 177.
149. Вестник Российской Академии наук. 1994. № 11. С. 1033–1034.
150. Академическое дело. С. XX–XXI.
151. Пять «вольных» писем В. И. Вернадского сыну // Минувшее. Париж, 1989. № 7. С. 433.
152. Академическое дело. С. XXV–XXVI.

153. ПФА РАН. Ф. 1. Оп. 1–1929. Д. 251. § 106.
154. Научный работник. 1929. № 1. С. 91–93.
155. Научный работник. 1929. № 5–6. С. 100–102.
156. ПФА РАН. Ф. 239. Оп. 1. Д. 132. Л. 2–3.
157. Там же. Д. 78. Л. 17–18.
158. Там же. Д. 80. Л. 11–12.
159. Там же. Д. 132. Л. 25–26.
160. *Нежин М.* Лицо врага // ВАРНИТСО. 1930. № 9–10. С. 32–33.
161. Обращение ко всем работникам науки и техники // Фронт науки и техники. 1931. № 4–5. С. 1–2.
162. ПФА РАН. Ф. 245. Оп. 1. Д. 7. Л. 80.
163. Там же. Л. 78–79.
164. Там же. Л. 61–62.
165. Там же. Д. 1. Л. 25.
166. Там же. Л. 1–4.
167. Там же. Ф. 1. Оп. 1–1931. Д. 275. § 20.
168. Там же. § 35.
169. Там же. § 92.
170. Там же. Д. 259. ООИ. § 21.
171. Ко всем ученым мира, ко всем работникам науки и техники // Вестник АН СССР. 1932. № 12. С. 2–6.